

СИНЕРГИЯ

Научно-практический журнал

ISSN 2415-7708

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СИНЕРГИЯ»

Иголкин Сергей Леонидович, к.экон.н., профессор, ректор, Воронежский экономико-правовой институт – главный редактор;
Смолянинова Ирина Вячеславовна, к.экон.н., доцент, проректор по научно-исследовательской работе, Воронежский экономико-правовой институт – заместитель главного редактора;
Шаталов Максим Александрович, к.экон.н., доцент, начальник научно-исследовательского отдела, Воронежский экономико-правовой институт – ответственный секретарь

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Алиев Назим Казым оглы, доктор юридических наук, доцент, Национальная авиационная академия, г. Баку, Азербайджан;
Атабеков Алмаз Каримович, к.экон.н., доцент, Ошский Технологический университет имени академика М. Адышева, г. Ош, Кыргызстан;
Ахмаджанов Мерлан Азаматович, к.экон.н., доцент, Аппарат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Буханова Наталья Валентиновна, к.мед.н., доцент, Университет Далхаузи, Галифакс, Канада;
Гязов Айдарбек Токторович, к.экон.н., доцент, Кызыл-Кийский институт технологий, экономики и права, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Зайцев Игорь Станиславович, к.пед.н., доцент, Академия последипломного образования, г. Минск, Беларусь;
Зулпуев Абдипан Момунович, докт.тех.наук, профессор, ректор, Кызыл-Кийский институт технологий, экономики и права, г. Кызыл-Кия, Кыргызстан;
Клименко Ирина Сергеевна, д.техн.н., профессор, Костанайский государственный педагогический институт, г. Костанай, Казахстан;
Кулуева Чынара Раимкуловна, д.экон.н., профессор, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан;
Купуев Пирмат Купуевич, д.экон.н., профессор, член-корр. национальной академии наук КР, заслуженный экономист КР, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан;
Раимбаев Чаткалбай Кенейбаевич, к.экон.н., профессор, ректор, Кыргызско-Узбекский университет, г. Ош, Кыргызстан;
Ромасевич Юрий Александрович, д.техн.н., доцент, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины, г. Киев, Украина
Сас Наталья Николаевна, д.пед.н., профессор, Полтавский национальный педагогический университет имени Владимира Галактионовича Короленко, г. Полтава, Украина;
Убайдуллаев Мирланбек Байдусенович, к.экон.н., доцент, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абдалина Лариса Васильевна, д.псих.н., профессор, Российский государственный социальный университет;
Бабаева Анна Владимировна, д.филос.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Баутин Василий Михайлович, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Безрукова Татьяна Львовна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный лесо-технический университет;
Богомолова Ирина Петровна, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Брянцева Лариса Викторовна, д.экон.н., профессор Воронежский государственный аграрный университет;
Гудименко Галина Валерьевна, д.экон.н., профессор, Орловский государственный университет экономики и торговли;
Кабанов Вадим Николаевич, д.экон.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Кургузкина Елена Борисовна, д.юрид.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет;
Лелеков Виктор Андреевич, д.юрид.н., профессор, Воронежский институт ФСИН России;
Липатов Вячеслав Александрович, д.мед.н., профессор, Курский государственный медицинский университет;
Максимчук Ольга Викторовна, д.экон.н., профессор, Волгоградский государственный технический университет;
Наумов Владимир Аркадьевич, д.техн.н., профессор, Калининградский государственный технический университет;
Папшута Ангелина Олеговна, д.экон.н., профессор, ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР РФ;
Саликов Юрий Александрович, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный университет инженерных технологий;
Станчин Иван Михайлович, д.экон.н., профессор, Воронежский экономико-правовой институт;
Широбоков Владимир Григорьевич, д.экон.н., профессор, Воронежский государственный аграрный университет.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ахмедов Ахмед Эдуардович, к.экон.н., доцент Воронежский экономико-правовой институт;
Баулина Оксана Александровна, к.экон.н., доцент, Волгоградский государственный технический университет;
Батенёва Наталья Владимировна, к.биол.н., доцент, Новосибирский государственный аграрный университет;
Батищев Александр Витальевич, к.экон.н., доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;
Клюев Сергей Васильевич, к.техн.н., доцент Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова;
Кузьменко Наталья Ивановна, к.геог.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Гаврилов Сергей Тихонович, к.пед.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Горбунова Янна Павловна, к.юрид.н., доцент, Воронежский экономико-правовой институт;
Жесткова Елена Александровна, к.филос.н., доцент, Арзамасский филиал ННГУ имени Н.И. Лобачевского;
Козачек Артемий Владимирович, к.пед.н., доцент, Тамбовский государственный технический университет;
Краснова Наталья Александровна, к.экон.н., доцент, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет;
Кустов Андрей Игоревич, к.ф.-м.н., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова;
Чемезов Сергей Александрович, к.мед.н., доцент Уральский государственный медицинский университет.

© АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»

© Коллектив авторов

Содержание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н.И. Кузьменко

Построение образовательных кластеров в регионах РФ 7

М.И. Коваленко

Современные инновационные технологии в физическом
воспитании и формировании здорового образа жизни 13

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Б.Д. Рысмендеев, Б.К. Айтахунов

Разграничение понятий компетенция органов местного
самоуправления и полномочия органов местного
самоуправления в Кыргызской Республике 19

А.Н. Догалов, Д.А. Сейтхожина, А.Р. Бижанов

Исторические аспекты экономической политики по
межрегиональному сотрудничеству в средневековых
государственных образованиях на территории
Казахстана 25

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н.К. Атабекова

К вопросу о роли парламента в разработке и реализации
социальной политики в Кыргызской Республике 35

Д.В. Аксёнов

Государственная политика в области защиты окружающей
среды и экологизации природопользования 43

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Е.А. Супонина

Накручивание индекса цитирования как одно из проявлений
академической недобросовестности (на примере
образовательных организаций МВД России) 50

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

М.А. Атакулова, Д.Т. Айылчиева Семантика несубстантивных негативных прономинативов с позиции «Я».....	59
--	-----------

Ю.В. Панченко Исследование отдельных характеристик озвученной речи.....	70
---	-----------

НАУКА МОЛОДЫХ – МОСТ В БУДУЩЕЕ

М.Г. Скорб Россия и становление сербской государственности в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг.....	79
--	-----------

Правила для авторов.....	88
--------------------------	-----------

Contents

MODERN PROBLEMS OF PROFESSIONAL EDUCATION

- N.I. Kuzmenko**
Construction of educational clusters in the regions of the Russian Federation..... 7
- M.I. Kovalenko**
Modern innovative technologies in physical education and formation of a healthy lifestyle..... 13

SOCIAL-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF FOREIGN COUNTRIES

- B.D. Rysmendeev, B.K. Aytakhunov**
Limitation of concepts competence of local self-government bodies and authority of local self-government bodies in the Kyrgyz Republic..... 19
- A.N. Dogalov, J.A. Seitkhozina, A.R. Bizhanov**
Historical aspects of economic policy on interregional cooperation in medieval state formations on the territory of Kazakhstan..... 25

STATE REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

- N.K. Atabekova**
To the question of the role of the parliament in the development and implementation of social policy in the Kyrgyz Republic..... 35
- D.V. Aksyonov**
State policy in the field of environmental protection and environmental naturalization..... 43

SCIENTIFIC DISCUSSION

- E.A. Suponina**
Artificial increase of the citation index as one of manifestations of academic dishonesty (for example, educational institutions of the mia of Russia)..... 50

**COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

M.A. Atakulova, D.T. Aiylchieva

Semantics of non-substantive negative pronominations from the
position of «I» 59

Yu.V. Panchenko

Investigation of specific characteristics of respected speech..... 70

SCIENCE OF YOUNG PEOPLE – BRIDGE TO THE FUTURE

M.G. Skorb

Russia and the formation of serbian statehood in the period of the
Russian-Turkish war 1806-1812..... 79

Rules for authors 88

Современные проблемы профессионального образования

УДК 338.45

Н.И. Кузьменко

ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАХ РФ

Воронежский экономико-правовой институт

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы построения образовательных кластеров в целях реализации эффективной образовательной политики и модернизации системы образования в России. Использование кластерного подхода позволит выявить дифференциацию в реализации предоставления качества образовательных услуг. Кластеризация приведет к улучшению таких показателей как научная, методическая, социальная результативность образования.

Ключевые слова: образовательный кластер, система образования, регион, образовательные услуги.

UDC 338.45

N.I. Kuzmenko

CONSTRUCTION OF EDUCATIONAL CLUSTERS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Voronezh Institute of Economics and Law

Abstract: in the article the questions of construction of educational clusters in order to implement effective educational policy and modernization of the education system in Russia are considered. The use of the cluster approach will reveal the differentiation in the implementation of the provision of quality educational services. Clustering will lead to an improvement in such indicators as the scientific, methodical, social effectiveness of education.

Keywords: educational cluster, education system, region, educational services.

На сегодняшний день практически все мировые экономики заинтересованы в том, чтобы перейти на инновационный путь развития. Это объясняется повышенным спросом на инновации – новые знания и оригинальные технологические решения. Важным условием для построения инновационной экономики является модернизация образовательной системы. Чтобы обеспечить инновационный рост, необходим переход к

«обществу знаний» и экономике, основанной на знаниях [5; 13]. К тому же сейчас усиливается глобальная конкуренция, в том числе конкуренция систем образования, побуждающая к постоянному совершенствованию технологий, введению инноваций, быстрому приспособлению к динамично меняющимся условиям современности. Помимо этого существует еще одна серьезная проблема, актуальная и для России – несоответствие уровня профессиональной подготовки специалистов социальному заказу, требованиям работодателей. Также получение качественного образования входит в круг ценностных ориентаций граждан. Всем этим, местами не связанным между собой, проблемам современные ученые нашли наиболее оптимальное решение – создание образовательных кластеров.

Понятие «кластер» в переводе с английского языка означает «расти вместе», «гроздь, скопление», т.е. это объединение нескольких однородных элементов. Его в конце 1980-х гг. ввел американский экономист Майкл Портер. Он давал следующее определение: «кластер – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу» [3]. Для М. Портера главным признаком кластера являлась территориальная близость в определенных географических масштабах. Однако больше чем за 20 лет наука шагнула далеко вперед, и с появлением Интернета этот аспект перестал быть важным. Поскольку и в российской экономике уже примерно с 2006 года с утверждением Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006-2008 гг.) активно образуются кластеры, можно привести другое определение этой дефиниции. В Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации дают такое значение территориальному кластеру: «объединения предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг. Кластеры могут размещаться на территории как одного, так и нескольких субъектов» [16].

Кластерный подход сегодня реализуется во многих областях, в том числе в промышленности (лесная, нефтегазовая, химическая, туризм), в развитии информационных технологий и т.д. Одной из отраслей, где создание кластеров представляется очень перспективным, является, безусловно, образование. Под кластерным подходом к развитию образования понимают взаимо- и саморазвитие субъектов кластера «в процессе работы над проблемой», осуществляемое на основе устойчивого развития партнерства, усиливающего конкретные преимущества, как отдельных участников, так и кластера в целом [6; 19].

Образовательный кластер представляет собой совокупность образовательных организаций, взаимосвязанных и объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с научными центрами и предприятиями этой отрасли [10; 14]. А.В. Смирнов дал более широкую трактовку этому понятию: образовательный кластер – это, с одной стороны, совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с предприятиями отрасли; с другой – система обучения, взаимообучения и инструментов самообучения в инновационной цепочке наука-технология-бизнес, основанная преимущественно на горизонтальных связях внутри цепочки [18]. Или вот более краткое, но вполне отражающее суть образовательного кластера: «соединение работодателя и образовательных учреждений при помощи комплекса сквозных программ» [1]. Главным отличием образовательного кластера от производственного является то, что результатом

работы производственного кластера выступает какой-либо товар, продукт, а итогом деятельности образовательного кластера, соответственно, образовательная услуга. Основные цели создания и развития образовательных кластеров следующие:

1. Повышение уровня подготовки кадров, профессионально ориентированных и конкурентоспособных на рынке труда [9; 15];
2. Построение инновационной модели развития образовательной, научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности профессиональных учебных заведений, предприятий и организаций региона [2; 8];
3. Объединение образования, науки и производства [4; 75];
4. Развитие учебной, материальной, методической и производственной базы учебных заведений образовательного кластера [11; 20].

Таким образом, образовательный кластер способствует внедрению и распространению инновационных технологий в среду учебных заведений различного уровня с помощью тесного взаимодействия между ними.

Определившись с понятием и целями образовательного кластера, перейдем к рассмотрению модели его построения. Алгоритм создания кластера включает в себя следующие этапы:

I. Подготовительный. На данном этапе выделяется потребность региона в формировании образовательного кластера, вызванная целями и задачами данного кластера, а также условиями конкурентной борьбы регионов за инновации. Также разрабатывается определенная стратегия развития, которая будет основой конкурентного преимущества кластера. Сущность этой операции заключается в выборе видов деятельности, позиций, отличных от конкурентных, причем эти виды деятельности должны обеспечивать устойчивое конкурентное превосходство [11]. И, конечно же, нужно собрать участников кластера в контексте данной системы. Как было указано выше, ими будут являться образовательные учреждения разных уровней, а также предприятия и организации, работающие в выбранной научной плоскости.

II. На следующем этапе, как правило, выполняются такие операции как идентификация региональных кластеров и их отбор. Т.е. здесь проводится подробный анализ; сначала внешний, который подразумевает изучение образовательных кластеров других регионов, оценивается степень их развитости (по этому признаку их делят на сильные, устойчивые, потенциальные и латентные). А затем проводят внутренний анализ экономики региона: производится SWOT-анализ, т.е. выявляются сильные и слабые стороны, возможности. Таким образом, мы выясняем значимость формируемого кластера. Для этого используются не только качественные, но и количественные показатели – такие как, например, показатели качества образования, доля средств, получаемых в ходе выполнения НИОКР, численность занятых в кластере и т.д.

III. На данном этапе осуществляется формирование образовательного кластера, налаживание его связей с другими кластерами, образуя единую систему.

Несмотря на то, что понятие «образовательный кластер» существует немногим более 20 лет, они активно создаются практически во всех развитых странах. Они создаются для поддержки участия страны на международном рынке образовательных услуг, поддержки учебных учреждений. Великобритания, к примеру, считает наиболее приоритетным направлением развития образовательных кластеров медицинскую сферу. Там создано большое количество объединений университетов, органов местной власти, медицинских учреждений, частных компаний, основной целью существования которых является эффективное применение теоретических идей по усовершенствованию здравоохранения в практике. Франция уделяет пристальное внимание проблемам, посвященным совершенствованию экосистем, и в такие кластеры также активно вовлекаются государство, образовательные учреждения, исследовательские лаборатории. Там их насчитывается около 71. И, разумеется, было бы ошибкой с нашей стороны не

упомянуть о самом передовом государстве в этом вопросе – США. Это сказано без преувеличения, поскольку порядка 60% трудоустроенных граждан страны работают в компаниях, состоящих в образовательном кластере. Самым известным примером кластера не только в США, но и во всем мире считается «Кремниевая долина», которая представляет собой огромную научную и экспериментальную площадку, где создаются и реализуются высокотехнологичные и наукоемкие проекты, действуют представители ведущих мировых технологических компаний в тесном сотрудничестве с расположенными в том же географическом пространстве университетами.

Если в зарубежных странах усилия участников образовательного кластера направлены на усовершенствование производимых в нем технологий и укрепление связей между его участниками, то в России главным пока является, прежде всего, создание таких кластеров. Элементы кластерной политики отражены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года. В этом документе законодатель прописал перечень инновационных территориальных кластеров, в который было включено 25 кластеров различных отраслевых направлений, при этом они должны формироваться при активном участии вузов. Наибольшая концентрация кластеров по всей территории России выявлена в Приволжском ФО (18,6%) и Сибирском ФО (17,6%) [12]. Самым известным образовательным кластером РФ можно назвать аналог вышеупомянутой «Кремниевой долины» - инновационный центр «Сколково». Это довольно крупный научно-технологический инновационный комплекс, строящийся и одновременно действующий в Московской области. Он также объединяет под своей эгидой несколько крупных организаций, занимающихся инновационными проектами и вузы, призванные привлечь молодых специалистов в научную деятельность.

Оценить инновационную эффективность кластера можно по показателям научной, методической, социальной результативности.

Научная результативность определяется числом научных публикаций, количеством защищенных и готовящихся к защите диссертационных работ, участием в грантах и конкурсах. Под методической результативностью понимается такая деятельность участников Программы, которая выражается числом педагогических инноваций, разработанных, апробированных и внедренных в образовательную практику других учреждений, показателями численности педагогов, познакомившихся с этими инновациями. Последний выделенный нами параметр – социальная результативность. Она определяется такими показателями как развитость дополнительных образовательных услуг, взаимодействие с другими учреждениями на основе договоров, количество реализованных социальных проектов, количество призеров олимпиад среди учащихся.

Обобщая все вышесказанное, можно сказать, что процесс создания регионального образовательного кластера – процесс сложный и многоаспектный. Есть алгоритм, от которого нельзя отступать, если необходимо достичь поставленных целей. Поскольку в России только начинают развиваться такие комплексы, стоит обратить внимание на зарубежный опыт, который мог бы помочь функционировать успешнее нашим региональным кластерам. Хотя представленный пример доказывает внушительный прогресс в создании и развитии образовательных кластеров в регионах РФ.

Вышеизложенное позволяет заключить следующее. Под образовательным кластером понимают сегодня совокупность учреждений профессионального образования, взаимосвязанных и объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с научными центрами и предприятиями этой отрасли. Причем вузам принадлежит доминирующая роль в кластере, т.к. именно на их базе создаются научно-исследовательские центры и площадки.

Невозможно сформировать образовательный кластер, не разработав целей и задач его создания [17]. Их можно выделить много, главной из которых обычно называют подготовку высококвалифицированного специалиста, при этом основной задачей

является сближение образовательного процесса с заказчиком и потребителем квалифицированных кадров – предприятием.

Образовательные кластеры должны строиться последовательно, поэтапно. При этом участникам кластера необходимо продумывать каждое действие, учитывать все условия и обстоятельства региона, чтобы быть конкурентоспособными и соответствовать актуальным запросам рынка инноваций и рынка трудовых ресурсов. У кластеров огромная перспектива. Научно-образовательные кластеры позволят переместить всю краткосрочную подготовку из учебных центров в образовательные учреждения, тем самым появится возможность контролировать качество и глубину образовательного потенциала работников. При этом работодателям не придется тратить средства на переобучение или «доучивание» специалистов, а в России бизнес-сообщество тратит ежегодно на эти цели около 5 млрд. рублей. Опираясь на зарубежный опыт в этой сфере, необходимо осуществление контроля за всеми этапами и основными звеньями научно-образовательных кластеров на стадии проектирования, внедрения и функционирования. Таким образом, государство не только решает вышеперечисленные проблемы, но и сможет «разгрузить» бюджет за счет инвестиций в образование со стороны заинтересованных компаний.

Список литературы

1. Анисцына Н.Н. Инновационный научно-образовательный кластер как способ организации инновационной деятельности в вузе // Креативная экономика. 2010. № 4 (40). С. 91–97.
2. Бехер В.В., Бабина К.И. Соотношение понятий «научная организация» и «научное учреждение» в анализе финансово-правового статуса субъектов научно-исследовательского сектора // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 3 (33). С. 34–37.
3. Вахрушева Н.И. Образовательный кластер как форма инновационного развития региона // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. №5. – С. 5-8.
4. Григорьева Н.А. Становление концепции гражданского образования в условиях современного общества // Среднее профессиональное образование. 2007. № 5. С. 52-55.
5. Данилов С. В. Кластерный подход в региональном образовании // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 13-22.
6. Драгунов А.В., Демьяненко Ю.А., Микушев В.М., Седунов А.В. Информационные и коммуникационные технологии в образовательном кластере Псковской области // Информатика и образование. 2013. № 9 (248). С. 3-9.
7. Зайцева Е.В., Запарий В.В., Коробейникова А.П., Бусыгина И.С. Кадровый потенциал современного ВУЗа. - Екатеринбург, 2014. – 466с.
8. Зубенко Д.П., Зубренкова О.А. Направления автоматизации образовательной деятельности // Вестник НГИЭИ. 2016. № 12 (67). С. 7-11.
9. Иголкин С.Л., Кузьменко Н.И., Шаталов М.А. Негосударственные вузы как составляющие формирования и функционирования образовательных кластеров // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 2 (18). С. 55-60.
10. Коломыц О. Н. Научно-образовательные кластеры в современной России: миф или объективная необходимость? // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. №49. С. 77-79.
11. Кузьменко Н.И. Образовательные кластеры как составляющие инновационного развития региона // Тенденции развития науки и образования. 2015. № 6 (6). С. 17-20.
12. Матушанский Г. У. Инновационные территориальные образовательные

кластеры: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. №1. С. 354-358.

13. Недоспасова О.П. Многосубъектное инвестирование в накопление человеческого капитала: взгляд с позиций компетентностного подхода // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 1. С. 75-84.

14. Носков И.А. Федеральный университет: анализ отечественного и зарубежного опыта // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2013. Т. 15. № 2-4. С. 847-850.

15. Олесова М.М. Педагогические условия совершенствования экономической подготовки студентов (на примере специальности "Агрономия") // Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук.- Якутск, 2001. – 184 с.

16. Сибиряев А.С. Сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта создания наукоградов // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2015. № 6. С. 157-161

17. Ситаров В.А., Ковров В.В., Сикорская Л.Е. Педагогика и образование XXI в // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 1. С. 215-218.

18. Смирнов А. В. Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе: Монография. Казань: РИЦ «Школа», 2010. - 102 с.

19. Щепакин К. М. Формирование образовательных кластеров региона // Известия Тульского государственного университета. 2013. №3-1. С. 208-218.

20. Mukhametzyanova L.Yu., Bezborodova M.A., Korzhanova A.A., Akhmetov L.G., Sotnikov M.V., Khairullina E.R. Formation of students emotional intelligence as a factor of their academic development // Man in India. 2017. Т. 97. № 3. С. 543-552.

Информация об авторе:

Кузьменко Наталья Ивановна,
Кандидат географических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой институт,
г. Воронеж, Россия

Information about author:

Kuzmenko Natalia Ivanovna,
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Voronezh Institute of Economics and Law,
Voronezh, Russia

УДК 796.011

М.И. Коваленко

**СОВРЕМЕННЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В
ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО
ОБРАЗА ЖИЗНИ**

*Российский государственный университет физической культуры,
спорта, молодёжи и туризма*

Аннотация: В данной научной статье рассматриваются ключевые аспекты необходимости внедрения и активной реализации интерактивных методов физического воспитания обучающихся. Авторами проведен сравнительный анализ основных компьютерных программ и технологий, предложены механизмы повышения эффективности развития и укрепления физического здоровья школьников.

Ключевые слова: физическое воспитание, инновационное обучение, инновационное образование, здоровьесбережение, физическое здоровье, укрепление здоровья.

UDC 796.011

M.I. Kovalenko

**MODERN INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN PHYSICAL EDUCATION
AND FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE**

Russian State University of Physical Culture, sport, youth and tourism

Abstract: In this research paper examines the key aspects of the need for the introduction and active implementation of interactive methods of physical education students. The authors carried out a comparative analysis of the main computer programs and technologies, proposed mechanisms for increasing the effectiveness of development and strengthening the physical health of schoolchildren.

Key words: physical education, innovative education, innovative education, health conservation, physical health, health promotion.

Низкий уровень здоровья и физического состояния учащейся молодежи актуализирует проблему изменения системы образования в области физической культуры [12]. Сложность этой трансформации заключается, прежде всего, в том, что предусматриваются не отдельные частичные изменения, а преобразования системного и стратегического характера, которые рассчитаны на дальнюю перспективу. В этой связи нужны содержательные модели и соответствующие инновационные технологии.

Разработка и реализация инновационной технологии активизирует деятельность исследователей и практиков в аспекте поиска наиболее эффективных форм, средств и методов повышения результативной деятельности [2]. Это предполагает использование новейших достижений науки и практики с целью исключения неоправданных затрат времени и ресурсов; прогнозирования и проектирования деятельности обучающего и обучаемых; использования средств информационных технологий.

При реализации технологии необходимо соблюдение следующих требований:

- способствовать оптимизации учебно-воспитательного процесса посредством использования инновационных форм, средств и методов организации учебно-воспитательного процесса [8];

- предоставлять обучающемуся возможность построения персональной программы обучения и развития, которая учитывает в полной мере его физическое состояние, уровень развития физических качеств, мотивации и личные предпочтения [14];

- выступать средством реализации рефлексии, что побуждает школьника к самостоятельному формированию системы знаний, умений и навыков в области физической культуры и спорта [17].

Физическое воспитание, как и многие другие отрасли социальной сферы, достаточно длительное время отставало в технологическом плане [10]. В то же время сегодня тесно переплелись между собой два направления развития современной цивилизации: повышение интереса к своему здоровью и тотальная информатизация общества. Не случайно, именно оздоровительные и информационные технологии сегодня являются наиболее динамично развивающимися. Как свидетельствуют данные специальной литературы [4; 6; 9 и др.], регулярное тестирование характеристик физического состояния учащихся; выбор индивидуально-оптимальных тренировочных режимов; коррекция тренировочных программ на основе анализа динамики состояния каждого ученика - все эти задачи с успехом могут быть решены сегодня только на базе современных КТ.

Сегодня зарубежными и отечественными учеными разработан целый ряд компьютерных программ (КП), устройств, тренажеров и др., которые активно используются в практике физического воспитания в общеобразовательных учебных заведениях [13].

Большое количество программных продуктов на сегодняшний день эффективно используются в физическом воспитании [20]. Среди них компьютерная программа «Атлет», - которая является учебной, и разработана по принципу сетевого представления материала (система гипертекста). КП «Атлет» не имеет модели данных, которая служила каркасом для хранения информации, то есть отсутствует жесткий алгоритм прокрутки текста. Программа разработана по 4 уровням, что облегчает ориентацию при работе с ней, но в то же время позволяет школьнику (студенту) выбрать желаемый лично для него уровень получения знаний. Программа «Атлет» включает как плоскостную мультипликацию, так и экраны с роликами видеомультипликации. Оценка усвоения теоретического материала позволяет школьнику (студенту) или учителю (преподавателю) выявить степень усвоения полученных знаний в процентах (за 100% взято отсутствие ошибок при ответах на контрольные вопросы).

Авторы компьютерной программы «Грация», выделили, уточнили и сгруппировали проблемы, решение которых больше интересует девушек при занятиях шейпингом и аэробикой. Предлагаются пути решения каждой из этих проблем. Блок оценки физического состояния и подготовленности позволяет контролировать динамику этих показателей для внесения соответствующих коррективов в учебно-тренировочный процесс. Программа «Грация», в первую очередь, направлена на привлечение к самостоятельным занятиям аэробикой и шейпингом, и предоставляет соответствующие рекомендации на вопросы, которые чаще всего возникают у тех, кто самостоятельно

занимается физическим воспитанием. В КП «Грация» предложены пути решения каждой из поставленных проблем или задач.

Часто применяются компьютерные программы в изучении биомеханики спорта и спортивной морфологии [12]. Так, существуют технологии измерения биогеометричного анализа осанки человека, в которую входит фотограмметрирование сагиттального и фронтального профилей тела человека относительно соматической системы отсчета, определение угловых и линейных характеристик осанки по сагиттальной плоскости [19]. Алгоритм работы с программой «Torso» состоит из четырех этапов: создание новой учетной записи, оцифровки изображения, статистического анализа полученных результатов, визуализации результатов и формирования отчетов для печати.

Одним из средств контроля за уровнем физического здоровья школьников является экспертная система «Валеология школьника» [18]. Сочетание свойств экспертной системы и базы данных позволяет использовать компьютерную программу для решения следующих задач: динамического мониторинга физического состояния учащихся; регистрации результатов педагогического тестирования и их балльного оценивания; анализа данных о состоянии учащихся; выявление индивидуальных особенностей телосложения, моторики, темпов физического развития, мышечной энергетики, прогнозирование будущих спортивных успехов; разработки методических рекомендаций для занятий физическими упражнениями и спортом.

Компьютерная мультимедийная программа «Акватренер» предназначена для дифференцированного обучения плаванию школьников. Она предусматривает групповой (школьный) и индивидуальный (домашний) способы обучения. Интерфейс программы построен таким образом, что позволяет легко пользоваться программой не только взрослым, но и ученикам младшего школьного возраста. Программа «Акватренер» имеет сложное иерархическое строение и содержит три взаимосвязанных модуля: «Учительская», «Уроки плавания» и «Игровая комната». Каждый из этих модулей преследует достижение определенной цели и может использоваться независимо от других

Автоматизированная система оценки уровня физического здоровья «Школьник» - включает медицинскую и биологическую подсистемы с определением показателей физического развития, функционального состояния сердечнососудистой и дыхательной систем, физической подготовленности [15]. На основе оценки этих показателей определяется уровень физического здоровья и подготовленности, предлагаются физкультурно-оздоровительные программы для их повышения.

Многочисленные исследования авторов свидетельствуют о ведущей роли семьи в формировании потребности поддержания физического и психологического здоровья. Так, программа «Здоровье семьи», направленная на обеспечение диагностики, профилактики и укрепления здоровья на основе корректировки образа жизни и проведения оздоровительных мероприятий [16]. В соответствии с состоянием здоровья каждого члена семьи программа дает рекомендации по двигательной активности, коррекции режима дня, гигиенического воспитания, рационального питания, закаливания, а также создания положительного эмоционального фона и поддержания оптимального уровня нервно-психических функций. Составляющим элементом для обеспечения выполнения рекомендаций является информационный блок, в который входит страница об основных частях здоровья и здорового образа жизни в виде гипертекста, страницы с подробной информацией о составляющих здорового образа жизни, помощи по работе с программой.

В сети Интернет много калькуляторов для расчета индекса массы тела (идеального веса) и индивидуальных тренировок онлайн [7]. Однако не все они отвечают точным расчетам и современным алгоритмам. Среди них наиболее точным и целесообразным является «Калькулятор индекса массы тела онлайн». Программа позволяет ориентировочно оценить степень соответствия массы человека и его роста. Данное

соотношение может дать информацию о том, является ли масса недостаточной, нормальной или избыточной.

Один из самых удобных онлайн калькуляторов в рунете это «Калькулятор расчета калорийности питания». В нем реализовано достаточно много интересных функций: мгновенный расчет калорийности любого количества товаров; полный расчет нутриентного баланса меню (включая витамины и микроэлементы); удобный поиск продуктовых групп, по названию и с учетом сходства слов; расчет индекса массы тела, рекомендуемая калорийность и количество белков, жиров и углеводов исходя из собственных показателей длины и массы тела.

Компьютерная программа в интернет сети «Онлайн тестирование физической подготовленности» предусматривает тестирование показателей: частоты сердечных сокращений и тестов на выносливость (ходьба 12 мин.), силы (сгибание, разгибание рук в упоре лежа) и гибкости (наклон туловища вперед с положения сидя). Суммируя полученные результаты, можно узнать уровень своей физической подготовленности.

Как отмечают современные исследователи [1; 5; 11 и др.] при практическом применении компьютерных программ возникают проблемы, наиболее распространенными из которых являются: трудности внедрения программ в современной школьной практике: недостаточное количество и программное обеспечение компьютеров в школе, неумение работать с компьютером учителей и работников школы, недостаточное методическое обеспечение, дефицит информации о наличии таких систем комплексного контроля за физическим состоянием школьников; сложность оценки содержания и достоверности расчетов, используемых программой.

Компьютерные технологии (КТ) как технические средства обучения постоянно развиваются, поэтому должны в большей или меньшей степени быть совместимыми с учебным процессом с точки зрения управленческих действий. Однако, по мнению В.В. Асауляк [3], КТ могут активно влиять на изменения методики преподавания, и вполне на всю технологию обучения.

Реализация новых видов управленческих действий в условиях применения КТ в значительной степени упрощается благодаря индивидуализации обучения и возможностям быстрого контроля.

Целесообразность и необходимость использования КТ возникает в том случае, когда применяемые методы, способы, прием, не обеспечивают достижения поставленной педагогической цели за минимально возможное время. Возможность привлечения КТ возникает тогда, когда задачи, которые выполняют учитель и обучаемый, можно достаточно четко формализовать и адекватно воспроизвести с помощью технических средств. Целесообразность компьютеризации определяется степенью достижения педагогической, методической и экономической эффективности по сравнению с традиционными формами учебной работы.

Диагностика двигательных возможностей, программирование самостоятельных занятий и физических нагрузок с учетом индивидуальных возможностей является чрезвычайно объемным процессом, который требует анализа большого количества индивидуальных показателей. Обеспечить этот процесс можно при условии использования современных КТ, что позволит решать задачи физического воспитания на качественно новом уровне.

Несмотря на увеличение количества специализированных автоматизированных комплексов и прикладных программ, позволяющих проводить регистрацию и оценку различных показателей здоровья, эффективных компьютерных лечебно-методических систем для организации и привлечения школьников к активным систематическим самостоятельным занятиям физическим воспитанием недостаточно.

Итак, оценивая современный этап развития инновационных технологий в области физической культуры констатируем, что, несмотря на большое количество направлений

их применения и публикаций, эти разработки часто имеют единичный характер и широко не распространяются. В последние годы проявляется интерес к внедрению и использованию автоматизированных систем в процессе физического воспитания школьников и, учитывая низкий уровень физического состояния детей, вопросы разработки и внедрения автоматизированной системы контроля физического состояния остаются чрезвычайно актуальными и требуют решения на пути модернизации современной системы физического воспитания. Развитие инновационных технологий открыло новые подходы к компьютеризации процесса физического воспитания школьников: это автоматизация сбора персональных данных, анализ результатов обследований, консультации и тому подобное. Но несмотря на то, что современные ИТ все шире используются в системе физического воспитания, проблема контроля за состоянием здоровья школьников остается нерешенной.

Список литературы

1. Аванесова Т.П. Эффективность компьютерной технологии обучения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 116-121.
2. Аринушкина А.А. Стратегическое планирование привлечения студентов как элемент управленческого консультирования в образовательном секторе // В сборнике: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы Материалы X Международной научно-практической конференции В 2-х частях. Научный редактор В.И. Казаренков. 2017. С. 245-249.
3. Асауляк В.В. Приоритеты и проблемы в развитии информационных технологий в образовании // В сборнике: Education & Science - 2017 Материалы III Международной научно-практической конференции для работников науки и образования. Научные редакторы Е.Ю. Бобкова, Т.А. Магсумов, Я.А. Максимов. 2017. С. 10-12.
4. Ахмадеева Л.Р., Липатова Е.Е., Закирова Э.Н. Головные боли и тревога у учащейся молодежи и пациентов, обращающихся к неврологам. Материалы XVI Российской научно-практической конференции с международным участием «Болевые синдромы в медицинской практике», Ростов-на-Дону, 2-4 июня 2011 // Российский журнал боли. 2011. Т. 2. № 31. С. 27.
5. Багутдинов Р.А. Исследование новейших икт-технологий в средне-профессиональном образовании // В сборнике: Актуальные задачи педагогики Материалы VI Международной научной конференции. 2015. С. 141-143.
6. Безуглов Э.Н., Ачкасов Е.Е., Безуглова Ю.В., Мансурова М.В., Усманова Э.М., Гордина О.В., Аксенова И.И., Малиновская Е.В., Жирнова Т.Ю. Влияние регулярной физической нагрузки на состояние сердечной мышцы у футболистов высокой квалификации в зависимости от стажа занятий спортом // Спортивная медицина: наука и практика. 2011. № 2. С. 11-13.
7. Гернет И.Н. Физиологические механизмы адаптации лиц, перенесших операцию аортокоронарного шунтирования сердца, в динамике физической реабилитации // Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. - Архангельск, 2007
8. Доценко И.Б., Коваленко М.И. Информационно-образовательная среда и образовательная практика // Ученые записки ИСГЗ. 2015. № 1. С. 181-185.
9. Евсевьева М.Е., Джанибекова А.Р., Ерёмин М.В., Кветковская А.А., Подушинский А.Ю., Памукчи С.В., Семёнова Ф.С., Орехова Н.В. Подходы к оценке сердечно-сосудистого риска у лиц молодого возраста // Профилактическая медицина. 2011. Т. 14. № 5. С. 7-11.

10. Ермаков А.В. Методика формирования у частных охранников навыков самозащиты от нападения с применением холодного оружия // Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. - Волгоград, 2005. – 194 с.
11. Коноплянский Д.А. Педагогический инструментарий реализации педагогической стратегии формирования конкурентоспособности выпускника // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. С. 55.
12. Куяров А.В., Сайгушева Л.А., Апокин В.В., Сухарев Д.А., Куяров А.А. Факторы неспецифической защиты у спортсменов в условиях севера // Теория и практика физической культуры. 2010. № 12. С. 98-100.
13. Лазарева А.И., Гернет И.Н. Адаптивная физическая культура в системе дошкольного образования детей с дизартрией // Физическая культура, спорт и здоровье нации в XXI веке материалы 3-й региональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Зимних Беломорских игр.. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации, Северный государственный медицинский университет. 2012. С. 87-88.
14. Луков В.А., Луков В.А., Захаров Н.В., Гайдин Б.Н., Ламажаа Ч.К.О., Луков С.В., Гневашева В.А. Программа научно-образовательного информационного поля: концепция нового энциклопедизма // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2012. № 6. С. 3.
15. Науменко Ю.В. Здоровьеформирующая деятельность детского дома и школы-интерната // Методист. 2005. № 2. С. 45.
16. Пригоровская Т.А., Наумова А.В., Гудыма Н.В. Акмеология физической культуры и спорта. - Малаховка, 2006. – 46 с.
17. Сергейчук Н.Б., Пшенина К.К.В., Акутина С.П., Аюпова В.К., Беганцова И.С., Буйлова Л.Н., Кильдишова Н.А., Колоколова М.В., Логинова Н.Н., Маркеева М.В., Мартынова Е.А., Медынская И.В., Переточенкова О.У., Романенкова Д.Ф., Салькаева Д.Ф., Семина И.А., Сотова Л.В., Сухарева М.В., Федотов Ю.Д., Фоломейкина Л.Н. и др. Современное состояние и пути развития системы образования. - Одесса, 2012. – 179 с.
18. Фонарев Д.В., Сухих А.Г. Личностно-ориентированный подход и его обоснование на примере физического воспитания в основной школе // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 12 (130). С. 274-277.
19. Чечельницкая С.М., Бобков В.В., Воробьев А.В. Расчеты интегральных показателей здоровья учащихся, готовящихся к сдаче норм ГТО // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2016. № 3 (23). С. 93-106.
20. Чумакова Г.А., Киселева Е.В., Алешкевич В.В., Чурсина В.И. Выбор оптимальной интенсивности тренировок у больных с инфарктом миокарда и артериальной гипертензией // Журнал сердечная недостаточность. 2002. Т. 3. № 5. С. 215-217.

Информация об авторах:

Коваленко Михаил Игоревич,
аспирант, Российский государственный
университет физической культуры, спорта,
молодёжи и туризма, г. Москва, Россия

Information about authors:

Kovalenko Mikhail Igorevich,
graduate student, Russian State University of
Physical Culture, Sports, Youth and Tourism,
Moscow, Russia

Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных стран

УДК 352.07:34.07(575.2)

Б.Д. Рысмендеев, Б.К. Айтахунов

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*Кыргызская государственная юридическая академия
при Правительстве КР*

Аннотация: В данной статье автор рассмотрел понятия компетенция органов местного самоуправления и полномочия органов местного самоуправления в Кыргызской Республике. Проводится разграничение этих понятий между собой, а также с другими общетеоретическими понятиями.

Ключевые слова: местное самоуправление, принципы местного самоуправления, органы местного самоуправления, компетенция органов местного самоуправления, полномочия органов местного самоуправления, вопросы местного значения, государственные полномочия.

UDC 352.07: 34.07 (575.2)

B.D. Rysmendeev, B.K. Aytakhunov

LIMITATION OF CONCEPTS COMPETENCE OF LOCAL SELF- GOVERNMENT BODIES AND AUTHORITY OF LOCAL SELF- GOVERNMENT BODIES IN THE KYRGYZ REPUBLIC

*Kyrgyz State Law Academy
under the Government of the Kyrgyz Republic*

Abstract: In this article, the author examined the concepts of competence of local self-government bodies and the powers of local government in the Kyrgyz Republic. A distinction is made between these concepts among themselves, as well as with other general theoretical concepts.

Keywords: local self-government, principles of local self-government, local self-government bodies, competence of local self-government bodies,

powers of local self-government bodies, issues of local significance, state powers.

Понятие «компетенция органов местного самоуправления» по своему содержанию и форме несущественно отличается от другого общетеоретического понятия «компетенция органов власти». Так, согласно ст. 1 Закона КР от 15 июля 2011 года №101 «О местном самоуправлении» к компетенции органов местного самоуправления относится «совокупность юридически установленных прав и обязанностей государственного органа или органа местного самоуправления». Разногласия возникают главным образом в связи с тем, что между понятием «компетенция органов местного самоуправления» и правоспособностью этих органов ставится знак тождества либо данное понятие смешивается с другими понятиями, категориями, к примеру, «полномочия», «функции» и пр. Так, в Законе КР «О местном самоуправлении» в ст. 2 «Основные понятия и термины»; в ст. 11 «О приостановлении полномочий органов местного самоуправления»; в ст. 16 «О принципах установления вопросов местного значения, иных функций и полномочий органов местного самоуправления»; в ст. 17 «О порядке установления и решения вопросов местного значения»; в ст. 19 «О порядке передачи вопросов местного значения органами местного самоуправления»; в ст. 31 «О компетенции городского и айылного кенешей»; в ст. 41 «О компетенции мэрии города»; в ст. 47 «О компетенции айыл окмоту» раскрывается содержание понятий «компетенция», «полномочия», «функции» и «вопросы местного значения».

Ю.А. Тихомиров отмечает: «Длительное использование всех названных понятий имеет историческое объяснение. Менялось и меняется их содержание и соотношение между собой. В то же время становится очевидной другая картина. Метод понятийных рядов, используемый в философии и теории права, позволяет, во-первых, найти правильное соотношение понятий по их “весу” и характеру отражения явлений, во-вторых, выделить базовое, ключевое понятие. Таковым для публичного права и является понятие “компетенция”, остальные же служат видовыми понятиями, призванными отражать те или иные грани явлений в публично-правовой сфере общества и государства» [1, с. 55].

Если обратиться к этимологии, то понятие «компетенция» имеет латинское происхождение (*competentia* - соответствовать, добиваться, подходить). В различных энциклопедиях данное понятие трактуется чаще как совокупность установленных нормативными правовыми актами прав и обязанностей (полномочий) организаций, органов, должностных лиц, а также лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих организациях [2, с. 205–206].

По мнению М.В. Баглая, компетенцией публичного органа является объем полномочий, реализация которых раскрывает основные функции данного публичного органа [3, с. 479].

В.С. Пронина включает в рассматриваемое нами понятие его задачи и функции органов управления, а также их права и обязанности [4, с. 89].

Существует мнение, что компетенцией местного самоуправления является «круг предметов его ведения, выделенных и удостоверенных законами, правовыми актами местного самоуправления, а также права и обязанности органов местного самоуправления» [5, с. 146–147].

Н.В. Постовой определяет компетенции местного самоуправления как установленную «нормами конституций, законов, подзаконных актов совокупность прав, обязанностей и предметов ведения граждан муниципального образования, органов местного самоуправления, должностных лиц местного самоуправления для осуществления функций и задач местного самоуправления» [6, с. 254].

Компетенция государственного органа по своей сущности представляет собой «правовые средства (форму) общественного разделения труда по управлению государственными и общественными делами. Наделение органов государства компетенцией, отвечающей политическим, экономическим и социальным условиям жизни общества, а также требованиям научной организации управления, является одной из важных предпосылок эффективного использования всех возможностей государственности в руководстве экономическими и социальными процессами. Чем правильнее определена компетенция органов, тем слаженнее работает аппарат, эффективнее используются материально-финансовые, правовые, организационные и иные средства для решения задач государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства» [7, с. 68].

На практике достаточно часто смешиваются понятия «компетенция органов местного самоуправления» и «предметы ведения органов местного самоуправления». Данное обстоятельство обусловлено главным образом тем, что предметы ведения, которые установлены для органов местного самоуправления, будучи тесно связанными с компетенцией этих органов, тем не менее, выступают в качестве самостоятельных правовых категорий, пусть и связанных между собой.

Следует непременно отметить, что между понятиями «компетенция органов местного самоуправления» и «предметы ведения органов местного самоуправления» существует определенная взаимосвязь и даже взаимозависимость, проявляющаяся в том, что компетенция органов местного самоуправления определяется исходя из предметов их ведения. Отдельные авторы справедливо, как нам представляется, определяют предметы ведения органов местного самоуправления в качестве элемента их компетенции.

Понятие «компетенция органов местного самоуправления», как мы считаем, является также отличным и от понятия «правоспособность».

Очевидно, что одной из причин, объясняющей наличие различных точек зрения на проблему компетенции органов местного самоуправления, являются существующие в настоящее время разногласия в определении элементов, составляющих понятие «компетенция», которые приводят к тому, что различные авторы, которые определяют одинаковым, на первый взгляд, образом компетенцию, при более внимательном взгляде вкладывают в нее разное содержание.

Согласно теории муниципального права, компетенция органов местного самоуправления является производной величиной. В первую очередь, она производна от компетенции местного самоуправления в целом, при этом компетенция органов местного самоуправления дополняет и конкретизирует ее. Однако органы местного самоуправления на практике имеют те полномочия, которые, не вытекая прямо из компетенции местного самоуправления, необходимы только как условие ее реализации.

Компетенция органов местного самоуправления зафиксирована и гарантируется законодательством Кыргызской Республики и не может быть ограничена органами государственной власти (гл. 3 Закона КР «О местном самоуправлении»).

Конституция Кыргызской Республики не оговаривает подробно компетенцию органов местного самоуправления, закрепляя в п. 1 ст. 110 Закона КР «О местном самоуправлении» понятие местного самоуправления как гарантированное Конституцией КР право и реальная возможность местных сообществ самостоятельно в своих интересах и решать под свою ответственность вопросы местного значения.

Указанный закон не дает развернутого перечня вопросов местного уровня. Это означает следующее: во-первых, в пределах, установленных законом, это свобода выбора решения по всем вопросам местного значения; во-вторых, любое, не противоречащее закону, решение не требует согласования, утверждения государственным органом и не может быть отменено ни в административном, ни в

судебном порядке.

В тех случаях, когда наделение компетенцией органов местного самоуправления происходит «сверху», существенное влияние на нее оказывают особенности политического режима государства, в котором происходит это наделение. Так, в тоталитарных государствах местные органы власти, как правило, существенно ограничены в свободе своих действий и деятельности вообще.

Для кыргызского права понятие «полномочия органов местного самоуправления» относительно ново. Первоначально оно было употреблено в Конституции КР 1993 года именно в связи с полномочиями органов местного самоуправления. В соответствии с Конституцией органы местного самоуправления обладают полномочиями самостоятельно решать вопросы местного значения и могут при этом наделяться некоторыми отдельными государственными полномочиями.

Закрепление за органами местного самоуправления определенных полномочий – один из важнейших способов правового регулирования общественных отношений, которые возникают в процессе их деятельности. Эффективность самостоятельной и осуществляемой под свою ответственность деятельности населения, направленную на решение вопросов местного значения, в ощутимой мере зависит от того, насколько полномочия органов местного самоуправления закрепляются в нормах права.

Полномочия органов местного самоуправления, четко определенные и закрепленные в законе, способствуют установлению пределов их деятельности, рамок ответственности, отчетности и подконтрольности, а также объективному анализу действий органов местного самоуправления, осуществляемого с точки зрения их соответствия нормам закона [14; 18].

В юридической науке термин «полномочия» использует главным образом для характеристики «совокупности прав и обязанностей какого-либо органа, должностного лица, определяемых непосредственно конституцией и др. законами...» [8, с. 146].

Таким образом, определение полномочий, с одной стороны, позволяет осуществлять государственно-правовое регулирование общественных отношений, с другой – само существование государственных органов или органов местного самоуправления невозможно без наделения их соответствующими властными полномочиями.

Полномочия органов местного самоуправления в силу особенностей этих органов обладают определенными специфическими чертами:

1. Полномочия органов местного самоуправления находятся в неразрывном единстве с их правами и обязанностями, закрепленными в законе [10; 15]. Неиспользование органами местного самоуправления прав, предоставленных им законом, на деле означает отказ от выполнения ими своих функций с переложением их на другие органы местного самоуправления, что следует трактовать как правонарушение [11; 17].

2. Полномочия органов местного самоуправления закреплены в соответствующих нормативных правовых актах [16; 19]. Ст. 18 Закона КР «О местном самоуправлении» содержит перечень вопросов, имеющих местное значение и для решения которых органы местного самоуправления, собственно говоря, и наделяются соответствующими полномочиями.

Любое полномочие органов местного самоуправления, в отличие от прав граждан, реализуется ими посредством совершения властных действий, имеющих нормоустановительный или распорядительный характер [13; 20]. Органы и должностные лица местного самоуправления по вопросам, подлежащим их ведению, принимают соответствующие правовые акты [9; 12].

Органы местного самоуправления для решения вопросов местного значения имеют собственные полномочия. В ст. 18 Закона КР «О местном самоуправлении»

определен перечень вопросов местного значения. Соответственно, компетенцию органов местного самоуправления составляют права и обязанности, направленные на решение вопросов местного значения, но не сами вопросы, при этом права и обязанности являются средством, с помощью которых осуществляются функции.

Список литературы

1. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М.: Издание г-на Тихомирова ЮА., 2001. – 355 с.
2. Юридическая энциклопедия. – М.: Изд. г-на Тихомирова М.Ю., 1997. – 526 с.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – М, 1998. – 752 с.
4. Пронина В.С. Соотношение компетенции государственных комитетов и министерств // Труды. Вып. 7. – М., 1977. – С. 81–98.
5. Анимица Е.Г., Тертышный А.Т. Основы местного самоуправления. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 208 с.
6. Постовой, Н.В. Муниципальное право России: Учебник. – М.: Юриспруденция, 2000. – 352 с.
7. Основы государства и права Республики Казахстан: учебное пособие / Отв. ред. Г.С. Сапаргалиев. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 254 с.
8. Юридический энциклопедический словарь. – М., 1984. – 418 с.
9. Баранов П.П., Шпак В.Ю. Политическое право в многообразии своих определенностей: философский анализ // Философия права. 2007. № 1. С. 7-15.
10. Бойко Н.Н. Финансово-правовое регулирование деятельности бюджетных учреждений // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва, 2008. – 196 с.
11. Виладчева М.Н., Зорин А.И. Противодействие коррупции в органах власти: исторический и правовой аспект // Диалектика противодействия коррупции Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и науки Республики Татарстан. Казань, 2013. С. 38-40.
12. Нехайчик В.К. Практическое использование правовых конструкций "субъекты права", "правовой статус", "юридическое лицо" в современных условиях российской государственности // Гармонизация частных и публичных интересов сборник научных статей. Сер. "Право России: новые подходы" Межрегиональная общественная организация "Центр содействия правовой реформе". Саратов, 2005. С. 236-258.
13. Мустафина С.А. К вопросу об административной ответственности должностного лица за нарушение таможенных правил // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 252-254.
14. Парфенов К.В. Инвестиционные ресурсы местного самоуправления: социально-политический аспект // Инновации и инвестиции. 2013. № 3. С. 97-101.
15. Пучкова В.В. Деятельность органов государственной власти России по реализации конституционного права граждан на охрану здоровья // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва, 2005. – 214 с.
16. Пьянов А.Е. Становление системы городского самоуправления в кемеровской области в 1990-е гг // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Кемерово, 2005. – 237 с.
17. Усманова Р.М. Системность в местном самоуправлении. - Уфа, 2003. – 140 с.
18. Черепанов В.А. Реформа государственной власти в субъектах российской федерации // Закон и право. 2005. № 4. С. 9-13.
19. Шашкова А.В. Понятие механизма государственного управления. высшие и центральные органы публичной администрации в Испании // Юрист. 1999. № 4. С. 6-12.

20. Ширшов К.А. Актуальные проблемы доступности судебных гарантий местного самоуправления в России // Правовые проблемы укрепления российской государственности Сборник статей. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет. 2015. С. 117-118.

Информация об авторах:

Рысмендеев Бактыбек Дженишбекович,
Доктор юридических наук, и.о. профессора,
Кыргызская государственная юридическая
академия при Правительстве Кыргызской
Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Айтахунов Бакытбек Курманбекович,
Кандидат юридических наук, Кыргызская
государственная юридическая академия при
Правительстве Кыргызской Республики,
г. Бишкек, Кыргызская Республика

Information about authors:

Rysmendeev Baktybek Jenishbekovich,
Doctor of Law, acting. Professor, Kyrgyz State
Academy of Law under the Government of the Kyrgyz
Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Aytakhunov Bakytbek Kurmanbekovich,
Candidate of Legal Sciences, Kyrgyz State Academy of
Law under the Government of the Kyrgyz Republic,
Bishkek, Kyrgyz Republic

УДК 330.818

А.Н. Догалов, Д.А. Сейтхожина, А.Р. Бижанов

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПО
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ В
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НА
ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА**

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Аннотация: В статье дается анализ развития межрегионального сотрудничества тюркских каганатов с сопредельными государствами и проводимая ими экономическая политика. Автором обосновывается полезность знания исторических аспектов в области экономической политики для выработки и реализации современной экономической политики Республики Казахстан.

Ключевые слова: экономическая теория, межрегиональное сотрудничество, экономическая политика, торгово-экономические связи, товарно-денежные отношения.

UDC 378.01

A.N. Dogalov, J.A. Seitkhozina, A.R. Bizhanov

**HISTORICAL ASPECTS OF ECONOMIC POLICY ON
INTERREGIONAL COOPERATION IN MEDIVAL STATE
FORMATIONS ON THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN**

Eurasian national university named after L.N. Gumilev

Abstract: The article gives an analysis of the development of interregional cooperation of the turkic kaganates with neighboring countries and economical policy pursued by them. The author proves the usefulness of knowledge of historical aspects in the field of economic policy of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: an economical theory, an interregional cooperation, economical policy, trade-economic relations, commodity-money relations.

Изучение и понимание исторических аспектов международных торгово-экономических связей – объективная необходимость для выработки и реализации научно обоснованной экономической политики во внешнеэкономических связях для любого государства, в том числе и для Республики Казахстан.

Проявление внимания и интереса ученого к историческим истокам, по мнению нашего выдающегося соотечественника, Абу Насыр Мухаммеда Аль-Фараби (870-950 гг.), выдающегося философа, ученого-энциклопедиста раннего средневековья,

признак его истинной просвещенности. Путь к пониманию будущего любой науки, в том числе и экономической, конечно, лежит через постижение ее настоящего и прошедшего.

Живой интерес к истории экономической науки проявляли и многие выдающиеся экономисты: теоретики и практики. Историко-экономический анализ мы встречаем в специализированных фундаментальных трудах или в главах основных трудов А. Смита, А.-Р.-Ж. Тюрго, К. Маркса, В.И. Ленина, Дж.Р. Хикса и многих других мыслителей, внесших заметный вклад в развитие экономической науки. Так, по мнению Й.А. Шумпетера, ученого-экономиста от «всех других людей, думающих, говорящих и пишущих на экономические темы» отличает главным образом «владение техникой анализа в трех областях: истории, статистики и «теории», а также в области экономической социологии. И далее он признавался в том, что, если бы ему «пришлось начать заниматься экономической наукой заново» и выбирать «только одну из трех областей анализа», то выбор бы пал «на изучение экономической истории» [1, с. 14-15].

Такой приоритет, по мнению Й.А. Шумпетера, объясняется тремя основными причинами:

- «никто не может понять экономические явления любой эпохи, включая современную, без должного владения историческими фактами, надлежащего исторического чутья и того, что может быть названо историческим опытом»;

- анализ с позиций экономической истории «неизбежно отражает и «институциональные» факты, не являющиеся чисто экономическими» и «позволяет лучше всего понять взаимоотношения экономических и неэкономических фактов...»;

- многие ошибки в экономической теории «вызваны скорее недостатком исторического опыта, чем дефектом какого-либо другого инструмента из арсенала экономиста» [1, с. 15].

Аналогичные идеи о необходимости изучения истории экономических наук можно найти в научных трудах многих других видных представителей мировой экономической науки.

Однако, изыскания в области истории межрегиональных торгово-экономических связей в мировом масштабе, на наш взгляд, еще не в полной мере исследованы. В Казахстане эта область экономических отношений остается, в целом, почти не тронутым пластом для ученых-экономистов. Особенно, это касается исторических источников на языках, которые считались родными для этносов, проживавших в государственных образованиях на его территории.

Первым казахским исследователем исторических вопросов этнокультурного, правового и хозяйственного развития казахского народа и степного края, по праву можно считать Шокана (Мухаммед-Ханафия) Уалиханова (1835-1865 гг.), выдающегося ученого-энциклопедиста, просветителя-демократа, путешественника, этнографа, фольклориста, исследователя истории, экономики и культуры многих народов Центральной Азии, Казахстана и Восточного Туркестана.

В конце XIX – начале XX веков многие видные представители, патриотически настроенной либерально-демократической интеллигенции, Алихан Бокейханов (1866-1937 гг.), Мустафа Шокай (1889-1941 гг.), Ахмет Байтурсынов (1873-1937 гг.), Мухамеджан Тынышбаев (1879-1938 гг.) и многие другие в своих научных трудах исследовали экономическую историю развития казахского края.

Ряд ведущих ученых-экономистов Казахстана в советский период занимались исследованиями в области истории отечественной экономической мысли и экономической истории страны.

Однако результаты их научных изысканий были заранее predetermined рядом реально сложившихся негативных обстоятельств, связанных с историческими особенностями политического и социально-экономического развития Казахстана в

последние столетия:

во-первых, в период принудительного нахождения в составе Российской империи и Советского государства Казахстан был почти изолирован от процесса всемирного развития, в том числе и политического, экономического, культурного, научного;

во-вторых, прямое и насильственное притеснение в период царской колонизации и сталинского деспотизма создавало значительные препятствия для подготовки высококвалифицированных специалистов-экономистов с доступом на международную арену и их научного роста;

в-третьих, ограниченность доступа исследователей национальных республик и областей к центральным архивным и другим историческим, научным материалам;

в-четвертых, физическое уничтожение преобладающей части казахского народа, в том числе, в первую очередь, почти всю прогрессивную казахскую интеллигенцию в 20-30-ые годы XX века, вызвала значительный временной разрыв исторических связей между поколениями казахской исследовательской интеллигенции;

в-пятых, казахстанские историки-экономисты социалистического периода не могли дать полную объективную и научно обоснованную оценку прогрессивным экономическим воззрениям своих предшественников соотечественников, так как они находились под жестким прессом советской идеологии и цензуры.

Все вышеуказанное, в значительной мере предопределило слабую научно-исследовательскую основу истории экономической мысли Казахстана в советский период. Исследователи истории экономической мысли, в основном, были вынуждены фальсифицировать все ранее происшедшее через призму царской и советской идеологии, особенно, хозяйственную деятельность и экономические идеи истинных патриотов казахского народа, в соответствии с социальным заказом московской авторитарной партократической верхушки.

Только с обретением независимости и суверенитета страны в экономической науке Республики Казахстан началось активное обсуждение многих актуальных вопросов, связанных с историей экономических мыслей и историей экономического развития, проблемами возникновения, становления и развития, национальными особенностями и ее местом в мировой экономической мысли.

Возросший ныне интерес к данной проблеме, на наш взгляд, вызван, в первую очередь, стремлением восполнить, как указывалось выше, сложившиеся существенные пробелы в исследованиях в данной области, с одновременным осмыслением сложившихся в предыдущие периоды научных традиций и возможным продолжением их положительных моментов в современных научных изысканиях и в практической экономической деятельности.

В связи с этим особый интерес вызывают вопросы истории экономической мысли и экономической историй межрегиональных торгово-экономических связей государственных образований на территории Казахстана в раннем средневековье (IX-XII вв.).

Именно, после проникновения и распространения исламского вероисповедания, значительно обогатилась степень развития материальной и духовной культуры тюркских племен и государств. Тюркские этносы, оправившись от арабской экспансии, в IX и X веках постепенно и настойчиво продолжили свою захватническую миграцию в Западном направлении. Вследствие этого они образовали одну из самых могущественных и влиятельных держав на всем Евразийском пространстве, с которым вынуждены были считаться все другие ведущие государства континента.

В этот период усилились межрегиональные торгово-экономические связи и товарно-денежные отношения тюркской империи, за счет их очень благоприятного транзитного географического (территориального) расположения на Великом Шелковом пути, со многими другими могущественными империями Евразийского пространства.

Это благоприятно способствовало международному общественному разделению труда, развитию и распространению многочисленных сфер отраслей материального производства, росту торгово-денежных отношений, а также значительному расцвету науки и культуры.

Достигнутые успехи древнетюркскими государствами и племенами в военно-политической, торгово-экономической и хозяйственно-культурной области, по всеобщему признанию ученых-историков, были весьма значительными.

Тюрко-язычный мир в раннем средневековье, можно об этом сказать с полным основанием, превратился в один из самых крупных центров передовой мировой общественной и научной мысли, а также культуры на всем евразийском континенте. Первые сведения на древнетюркском языке о развитых межрегиональных торгово-экономических связях описывается в «Книге моего деда Коркыта»* (Китаби дэ-дэм Коркут, IX-XIV вв.). Данный сборник устных сказаний, написан на языке могущественных племен "огузов" и представляет письменный памятник культуры раннего средневекового эпоса тюркоязычных народов – прародительниц современных казахов, узбеков, туркмен, киргизов, татаров, крымских татаров, башкиров, хакасов, якутов, турков, уйгуров, азербайджанцев и многих других тюркских нации.

Так, например, в 3-ем рассказе дедушки Коркыта неоднократно упоминается о торгово-экономических связях и товаро-денежных операциях осуществляемых огузами с другими сопредельными и не сопредельными государствами на огромной территории Евразийского континента. По имеющимся сведениям из Книги, они простирались от Китая на востоке до Греции на западе [2, с. 374, 379, 380]. Содержание Книги свидетельствует также о том, что представители купечества в тот период уже были влиятельной прослойкой в социально-экономической иерархии огузского феодального общества.

Важное место в развитии экономической мысли в Великой степи занимает XI век. Огромные достижения древнетюркских империй в указанном веке, соответственно, существенным образом, значительно повысили и укрепили их этническое самосознание. Одним из проявлений которой явилось всестороннее развитие и широкое распространение древнетюркского языка, на значительной части всего евразийского пространства в XI веке.

Такой рост этнического самосознания среди представителей тюркских племен вызвал значительный всплеск желаний у многих тюркских ученых, мыслителей и поэтов творить и издавать свои научные и литературные произведения на родном тюркском языке. В этот же период начали создавать научные труды (словари, трактаты и др.), способствовавшие знакомству представителей других народов с тюркским языком и тюркской историей, их материальной и духовной культурой.

Таким прогрессивным развитием тюркского общества, на наш взгляд, в первую очередь, можно объяснить создание в XI веке величайших шедевров мировой науки и культуры на древнетюркском языке: поэмы-наставления «Кутадгу билиг» («Благодатное знание» или «Наука быть счастливым») Жусупа Баласагуна (1015 (1016)- XI в.) и словаря «Диван Луга ат Турк» («Словарь тюркских народов») Махмуда ал Кашгари (1030-1126 гг.).

В поэме великого мыслителя, выдающегося государственного деятеля и мудрого наставника властителей центрально-азиатского средневековья Жусупа Баласагуна «Кутадгу билиг», среди широкого спектра рассмотренных социально-экономических проблем, вопросы международных торгово-экономических связей и товарно-денежных отношений занимают одно из центральных мест [3]. Это связано вовлечением хозяйствующих субъектов тюркской империи в общественное разделение труда на

* Коркыт – казахская транскрипция в отличие от русской – Коркут

евразийском пространстве и значительным уровнем развития ее роли в международных торгово-экономических взаимоотношениях, благодаря благоприятному транзитному расположению на Великом Шелковом пути.

Достижение относительно высокого уровня формирования торгово-экономических связей и товарно-денежных отношений в тюркских государствах на Великом Шелковом пути, по мнению мудрого наставника правителей, способствовало:

- во-первых, более полному удовлетворению растущих разнообразных потребностей значительно обогатившихся тюркских правителей и представителей правящего класса, особенно, в экзотических товарах, производимых в других государствах: «Из края в край они идут свободно, гадая, что купить тебе угодно» [4, с. 145];

- во-вторых, за счет развития и расширения международной и внутренней торговли, росту объемов финансовых поступлений в государственный бюджет каганата за счет роста налоговых отчислений и таможенных поступлений;

- в-третьих, развитие международной торговли также служило важным источником информации для ознакомления с достижениями в области научных исследований и хозяйственно-культурного строительства на евразийском пространстве: «Вся жизнь купцов – скитание, дорога, а потому у них и знаний много» [4, с. 145].

Объективную необходимость развития торгово-экономических связей и, соответственно товарно-денежных отношений в развитии человеческого общества в целом, и тюркского феодального каганата – в частности, опытный государственный деятель, объяснял следующими словами.

Нужны они миру, о том не забудем,
Они доставляют все лучшее людям.
[5, с. 376]

По мнению мудрого наставника, для развития товарно-денежных отношений в тюркской империи важную значимость имеет развитие познания подданных государства в области ведения торговли, особенно, государственным чиновниками. У тех представителей тюркского феодального общества, которые хорошо знают толк в качестве реализуемого или покупаемого товара и величине его цены, считал великий поэт, невозможно сорвать неэквивалентный излишек при осуществлении торговой операции. Так, например, по этому поводу Жусуп Баласагун наставляет кандидата на должность главного финансиста – казначея тюркского государства следующими советами:

И надо торговлю знать разного рода:
Торговли не знающий муж – без дохода!

И в разных товарах знать надобно толк,
И ведать различие цен – его долг.

Кто в ценностях смыслит – не будет обманут,
С него на торгах рвать излишек не станут.
[5, с. 262]

Особое внимание в наставлениях поэт обращает на строгое соблюдение подданными тюркской империи, выработанных в рассматриваемый период правил ведения торговли и соблюдения определенных этических норм при осуществлении товарно-денежных операций. Для этого необходимо своевременное осуществление оплаты за приобретенный товар, проявление уважения к любому торговому партнеру, быть вежливым и честным, и т.д. Именно, за счет соблюдения общепринятых этических норм поведения в этой области деятельности, особенно, государственным чиновниками, по его убеждению, можно достичь значительных экономических успехов

при проведении торгово-денежных сделок:

При купле-продаже любезно держись,
С великим и малым умей обойтись.

Кто сам не промедлит со скорой оплатой,
Уважат всегда его спорой оплатой.

Кто правила честной торговли постиг,
Желанный товар ему сыщется вмиг.
[5, с. 262-263]

Купечество в XI веке составляло влиятельную социально-экономическую прослойку общества в тюрко-язычных государствах. Купцы и торговцы, осуществляя товарно-денежные операции на рынках, своей целью всегда ставили извлечение определенных доходов и получение соответствующей прибыли. Как опытный и мудрый государственный деятель, Жусуп Баласагун, прекрасно понимал данное главное стремление людей, занимающихся в сфере торговли, участвующих в товарно-денежных отношениях (сделках). Поэтому их постоянную нацеленность к обогащению, как указывалось в предыдущей главе, он считал вполне естественным явлением и охарактеризовал эту страсть к материальным и денежным ценностям следующими словами:

Еще есть торговцы; и ночью и днем
В заботе они о доходе своем.

В исканьях дохода весь свет им – дорога,
В скитаньях они уповают на бога
[5, с. 376]

Торговец продаст покупателю вещи,
А тот – оборот затевает похлеще.

Годами он прибыли копит в доход,
Торгует товарами – прибыль идет.

Реченьям главы всех торговцев внемли,
Он прибыль искал в разных странах земли:

«Доходный слуга – ближе сына родного,
Безвыгодный сын – хуже недруга злого.

Стремленье к доходу присуще всему,
Ловец без добычи зачахнет в дому.
[5, с. 276]

Дешевые вещи лежат без пригляда,
А шелк и парчу сохраняют как надо.
[5, с. 130]

О необходимости и полезности вклада деятельности купцов (торговцев) Жусуп Баласагун писал так:

Торговцы земледельцу не сродни:
Торговлей прибавляются они.

«Где что продать» - мечту лелея эту,
Спешат купцы, идут по белу свету.

Там взять, а там отдать – вот их удел.
Они других не знают в жизни дел.

Не будь купцов, нам всем жилось бы хуже –
Брели б мы сами по жаре и стуже.

Не странствуй люд торговый – мы едва ли б
Заморский шелк и жемчуг увидали б.
[4, с. 144-145]

Важно отметить также то, что в иерархии главных политико-экономических обязанностей правителя тюркского феодального государства, поэт-мыслитель третьим выделяет обеспечение властителем экономической безопасности всех торговых караванов, проходящих по территории тюркской империи, идущих по Великому Шелковому пути. Это наглядно свидетельствует о понимании мудрым наставником властителей высокой жизненной значимости создания соответствующих условий для перемещения и обеспечения безопасности торговых караванов для развития внутренней и международной торговли, и их важной роли в социально-экономическом развитии тюркского феодального государства:

И третье – пути под охраной держи,
Набеги, разбой изведи, грабежи.
[5, с. 456]

Этому обязывало, по мнению мудрого наставника, соблюдение общепринятых обязанностей ведущими феодальными империями евразийского континента по обеспечению безопасности торговых караванов. Так как тюркское государство само засылало по всему евразийскому пространству многочисленные торговые караваны, он советует властителю: «Храни понадежней пути караванов» [5, с. 454]. К тому же, по всей видимости, тюркские властители занимались не только реализацией отечественной товарной продукцией, но и осуществляли функции торгового посредничества в международной торговле. Об этом элику напоминает Одгурмыш:

Твои караваны – везде во вселенной,
С шелками, с мехами, с поклажей бесценной.
[5, с. 442]

В своих мудрых наставлениях Жусуп Баласагун отмечает важную значимость уважительного отношения к купцам и торговцам, осуществляющим международные и внутренние товарно-денежные операции. По его мнению, именно, они являются распространителями информации о тюркском государстве и ее властителе на евразийском пространстве. Поэтому для распространения доброй молвы о тюркской империи необходимо в общении с торговым людом быть обходительными и корректными:

«О жаждущий добрую славу иметь,
Гостей и скитальцев приветливо встречь!

О страждущий быть вознесенным солвой,
Обычай быть щедрым с купцами усвой!

Желаешь ты доброй хвалы – разумей:
Приветливым будь к караванам гостей!»

Вот так подобает с купцами общаться,
И слава и доблесть твои взвеселятся!»
[5, с. 377]

Наряду с созданием необходимых условий для ведения успешной торговой деятельности купцов, мудрый наставник правителей, указывает на ответственность торговцев за вверенные им товары, для обмена и реализации. Также, автор «Кутадгу билиг», призывает купцов уважать общественно полезный труд производителей товаров:

Купцы пусть врученное им берегут
И чтут положивших в товары свой труд.
[5, с. 457]

Подтверждающие сведения о относительно высоком уровне развития торгово-экономических связей и товарно-денежных отношений имеются в научном творении выдающегося тюркского мыслителя-исследователя, историка и лингвиста Махмуда ал Кашгари. «Диван Луга ат Турк» («Словарь тюркских народов»), состоит из 8 частей и написан на основе арабской графики единым тюркским языком, где сохранились материалы как кыпчакско-огузской, так и карлукско-уйгурской групп [6]. В данном многолетнем исследовательском труде, впервые в истории тюркских народов, изложены многие экономические категории на древнетюркском языке используемые в социально-экономической жизни тюркского общества того периода, в том числе в торгово-экономических связях и товарно-денежных отношениях. В Словаре изложены широкий спектр экономических категорий: труд, казна, работа, наемный работник, богатство, имущество, богатый, казначей, торговец, доход, прибыль, товар, стоимость, деньги, золото, чеканное золото, обмен, торговля, долг, залог, наследство, возмещение, оплата труда, монета, крупная монета, мелкая монета, и т.д. Используемые терминологии подтверждают о достаточно высоком уровне развития торгово-экономических связей и товарно-денежных отношений в тюркских государствах на заре второго тысячелетия.

Состояние межрегиональных торгово-экономических связей и товарно-денежных отношений обусловлено, как известно, развитием производительных сил, что, в свою очередь, во многом определяется общественным разделением труда. В «Диван Луга ат Турк» мы находим значительное количество терминов, свидетельствующие о высокой степени развития производительных сил и форм хозяйствования (разделения труда) у тюркских племен в XI веке. Здесь мы видим, что, наряду с основной формой хозяйствования – скотоводством (кочевым, полукочевым и оседлым), широкое развитие получили различные отрасли земледелия и ремесленного производства, торговля и наука.

О развитии различных отраслей земледелия свидетельствуют приводимые в книге термины – ячмень, просо, пшеница, хлопок, пахота, соха, плуг, пахарь, мельница, прокладывать оросительные каналы, быть орошенным и т.д.

Многочисленные словосочетания, фразеологические обороты («он выделал шкуру», «он выделал кожу», «он украсил головной убор золотыми пластинками», «он разрезал ткань ножницами» и т.д.) и термины (молот, кувалда и т.д.) указывают на всестороннее и повсеместное развитие в этом крае ремесла.

В «Диван Луга ат Турк» представлена и другая обширная социально-экономическая терминология по различным проблемам жизни и быта на тюркском языке. Бытие людей у него ориентировано на трудовую деятельность на земле, в которой вырастают цели и задачи деятельности, идеалы и проблемы практики и преобразования.

Все это свидетельствует о том, что современные экономические категории и

словосочетания и фразеологические обороты, которые отображают складывающиеся экономические отношения на казахском языке в современную эпоху, были инспирированы древнетюркским языком, которые широко были представлены в данном произведении.

Хотелось также отметить то, что древнетюркские корни в современных используемых экономических категориях мы обнаруживаем не только у тюркских народов, но и у многих народов, исторически живших территориально в соседстве с ними. Например, у многих славянских народов широко используемая экономическая категория – «товар», которую К. Маркс определил как «клетку» капиталистического (товарного) производства, имеет свои исторические корни от древнетюркского экономического термина «тавар».

Вышеизложенный историко-экономический анализ литературных источников на древнетюркском языке в данной статье свидетельствует о высоком уровне развития экономической мысли и категориального аппарата по вопросам торгово-экономических связях и товарно-денежных отношении в XI веке.

Согласно философского закона отрицания отрицания, в современном казахстанском обществе на более высоком витке политического, социально-экономического и культурного развития спустя тысячелетие, сложились благоприятные возможности для социально-экономического прогресса и роста национального самосознания. Это объясняется следующими объективными обстоятельствами:

- во-первых, казахский народ получил реальную возможность, спустя многие столетия, сформировать свое независимое и суверенное государство совместно с представителями других национальностей, ныне проживающих в Казахстане;

- во-вторых, современное развитие научно-технического прогресса в области наземного (железнодорожного, автомобильного), и воздушного транспорта способствует экономическому возрождению Великого Шелкового пути.

Все это дает народу независимой и суверенной Республики Казахстан, территориально расположенному, в центре евразийского континента, уникальную возможность. За счет такого ускоренного интеграционного процесса в торгово-экономических отношениях между Востоком и Западом Евразии, Казахстан может добиться значительных успехов в социально-экономическом и культурном развитии, как это смогли осуществить наши предки – тюркские каганаты.

И в этом определенную полезную лепту, на наш взгляд, внесут наши познания в области экономической политики, проводимой в тюркских феодальных каганатах в относительно процветающем раннем средневековье [IX-XI века].

Список литературы

1. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 1. СПб. Экономическая школа, 2001.
2. Коркут Ата. Энциклопедический сборник на казахском и русском языках. Алматы, 1999 г.
3. Догалов А.Н. Экономические идеи Жусупа Баласагуна. Астана. «Eit Art», 2015
4. Юсуф Баласагуни. Наука быть счастливым. Пер. Н. Гребнева – Бишкек.: Раритет, 2005
5. Баласагунский Юсуф. Благодатное знание. /Перевод С.Н. Иванова. М. 1983
6. Махмуд ал Кашгари. Диван Луга тат Турк. Алматы. «Дайк Пресс», 2005
7. Амплеева Т.Ю. Ярославское наместничество: административно-территориальное устройство и управление // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Ярославль, 1990. – 251 с.

8. Аргылов Н.А. Медиаобщество Республики Саха (Якутия) и власть: идеи свободы, тенденции отрасли, формы взаимодействия (социологический аспект) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 77-81.

9. Бакшеев А.И. Причины, последствия и борьба с голодом 1921-1924 гг. в Сибири // Федерализм. 2013. № 2. С. 183-190.

10. Головина Т.М. Проблемы независимости и самостоятельности органов самоуправления в российской империи в период 1785–1870 гг // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 193-197.

11. Грязнухин А.Г. Переход от ревкомов к советам в восточной сибире (1920-1921 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. - Иркутск, 1994. – 30 с.

12. Кочеров С.Н. «Аксиологема» как проблема теории ценностей // Credo new. 2011. № 4. С. 2.

13. Макарова О.В., Мальдина Ю.С. Отражение языковой ситуации в казахоязычных СМИ на примере проблемы терминообразования // Вестник Омского юридического института. 2011. № 2 (15). С. 83-85.

14. Окришвили Т.Г. Зарождение и развитие воззрений представителей русского либерализма XIX в. на частноправовые отношения // Аграрное и земельное право. 2012. № 12 (96). С. 67-78.

15. Ольшанская Л.В. Вексель в дореволюционной России: история и законодательство // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 12. С. 23-27.

16. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. - Таганрог, 2007. – 111 с.

17. Пылькин А.А. Экология смысла. - Санкт-Петербург, 2008. – 156 с.

18. Станиславова И.Л. Совершенствование внутреннего мира человека и современность // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 1 (17). С. 36-40.

19. Сулейманова К.А. Тенденции развития всемирной выставочной индустрии // Механизация строительства. 2014. № 6 (840). С. 57-59.

20. Якушев В.А. Правовое регулирование благотворительности в древнерусском государстве и руси в период удельной раздробленности // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 31-35.

Информация об авторах:

Догалов Амангельды Нажмиденович,
кандидат экономических наук, Евразийский
национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
г. Астана, Казахстан

Сейтхожина Джамиля Алибековна,
кандидат экономических наук, Евразийский
национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
г. Астана, Казахстан

Бижанов Адил Рахметович,
кандидат технических наук, Евразийский
национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
г. Астана, Казахстан

Information about authors:

Dogalov Amangeldy Nazhmidenovich,
Candidate of Economic Sciences, Eurasian National
University named after L.N. Gumilev,
Astana, Kazakhstan

Seytozhina Jamila Alibekovna,
Candidate of Economic Sciences, Eurasian National
University named after L.N. Gumilev,
Astana, Kazakhstan

Bijanov Adil Rakhmetovich,
candidate of technical sciences, Eurasian National
University named after L.N. Gumilev,
Astana, Kazakhstan

Государственное регулирование общественных отношений

УДК 342.537:316.334.3(575.2)

Н.К. Атабекова

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПАРЛАМЕНТА В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве
Кыргызской Республики*

Аннотация: Статья посвящена исследованию места и роли парламента Кыргызской Республики в социальной сфере, в разработке и реализации социальной политики государства. Автором проанализированы отдельные функции Жогорку Кенеша в аспекте правового регулирования социальной сферы и предложены пути оптимизации деятельности парламента в современных условиях.

Ключевые слова: конституция, парламента, Жогорку Кенеш, функции парламента, функция законодательствования, контрольные функции, стратегия развития Жогорку Кенеша.

N.K. Atabekova

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF THE PARLIAMENT IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Kyrgyz state academy of law under the Government of the Kyrgyz Republic

Abstract: The article is devoted to the study of the place and the role of the Parliament of the Kyrgyz Republic in the social sphere, in the development and implementation of the social policy of the state. The author analyzes separate functions of the Jogorku Kenesh in the aspect of the legal regulation of the social sphere and suggests the ways of optimizing the activity of the parliament in modern conditions.

Key words: constitution, parliament, Jogorku Kenesh, functions of the parliament, function of the legislation, control functions, development strategy of the Jogorku Kenesh.

Парламент Кыргызской Республики в соответствии с Конституцией является

высшим представительным органом, осуществляющим законодательную власть и контрольные функции в пределах своих полномочий [1]. Являясь одним из высших органов государственной власти, Жогорку Кенеш Кыргызской Республики в рамках полномочий, закрепленных Основным законом государства, занимает ведущие позиции в определении векторов развития государства в целом. При этом важным является деятельность, основанная на концептуальном документе, определяющем планомерную деятельность парламента. В данном аспекте можно говорить о достаточно серьезном документе, который был утвержден Жогорку Кенешем в 2016 году. Речь идет о Стратегии развития Жогорку Кенеша Кыргызской Республики до 2021 года, утвержденной постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 6 октября 2016 года. В этом документе указано, что «в условиях парламентской демократии Жогорку Кенеш должен стать местом, где от имени народа формируется концептуальное видение будущего страны, обозначаются пути ее развития, появляются новые смыслы и идеи, вдохновляющие общество. Предполагается, что на предстоящие десятилетия парламент станет главным субъектом развития Кыргызстана» [2]. В настоящей статье попытаемся проанализировать место и роль парламента Кыргызской Республики в социальной сфере, в разработке и реализации социальной политики государства.

В аспекте рассматриваемой проблемы следует акцентировать внимание, прежде всего, на законодательной и контрольной функциях парламента. Связано это с тем, что представительская функция парламента в основном связана с представлением интересов и выражением воли избирателей. При этом, надо полагать, парламента, сформированный по партийным спискам, выражает волю и интересы не определенных социальных групп и избирателей определенной местности, а всего народа Кыргызстана.

В рамках законодательной функции Жогорку Кенешем Кыргызской Республики принят целый ряд законов, регулирующих общественные отношения в социальной сфере. Многие из них работают достаточно успешно. Вместе с тем, на наш взгляд, в целях достижения большей эффективности и результативности, законодательная деятельность Жогорку Кенеша должна принять более последовательный и упорядоченный характер, которая может быть достигнута путем принятия плана законопроектных работ. Безусловно парламента страны осуществляет свою деятельность на основе концептуального документа Стратегии развития Жогорку Кенеша Кыргызской Республики до 2021 года, в котором определены основные цели и задачи развития парламента Кыргызской Республики до 2021 года, указаны основные приоритетные направления деятельности Жогорку Кенеша. В данном документе указано, что «на передовой линии законопроектной работы должно находиться правительство» [2]. В то время как Жогорку Кенеш на конституционном уровне провозглашен в качестве законодательного органа, в стратегическом документе данного органа почему-то крен делается в сторону правительства. Безусловно, правительство, как правило, является основным инициатором проектов законов. В настоящее время распоряжением Правительства Кыргызской Республики утвержден план законопроектных работ Правительства Кыргызской Республики на 2017 год (в редакции распоряжения Правительства КР от 24 августа 2017 года №376-р, 15 сентября 2017 года № 403-р).

Однако в стране, которая взяла курс на построение парламентарного государства, ответственность в сфере законодательства, полагаем, должна возлагаться на парламента. Как указано в вышеназванном стратегическом документе Жогорку Кенеша «ненадлежащий уровень реализации права законодательной инициативы в некоторых случаях депутатами приводит к хаотичности, нарушению системности принятия законов» [2], в связи с чем Жогорку Кенешу целесообразно принять и утвердить план законопроектных работ, в котором должны быть указаны основные сферы,

нуждающиеся в правовом регулировании, законы, которые необходимо пересмотреть, а также законы, которые необходимо принять.

В соответствии с п.2 ст. 76 Конституции Кыргызской Республики комитеты Жогорку Кенеша осуществляют подготовку и предварительное рассмотрение вопросов, отнесенных к полномочиям Жогорку Кенеша, контролируют проведение в жизнь законов и решений, принятых Жогорку Кенешем [1]. В связи с этим в Стратегии развития Жогорку Кенеша указано, что «Основная доля законопроектной работы парламента приходится на комитеты, что и выдвигает их на передний план законодательной деятельности Жогорку Кенеша. Однако рассмотрение проекта закона без понимания его места в развитии конкретной отрасли, регулируемой данным законом, приведет к появлению некачественного или нежизнеспособного закона. В этой связи профильными парламентскими комитетами должна осуществляться выработка приоритетов отраслевой политики с учетом утвержденных парламентом программ развития страны, что позволит обеспечить системность и эффективность их деятельности» [2]. Полагаем, выработка приоритетов отраслевой политики должна быть основана не только на утвержденных парламентом программах развития страны, но и на плане законопроектных работ Жогорку Кенеша, что повысит эффективность деятельности Жогорку Кенеша. Тем более, что в связи с развитием парламентаризма в Кыргызской Республике, Жогорку Кенеш в настоящее время занимает важное место в системе государственного управления, и осуществление основной функции данного высшего органа государственной власти на должном уровне, безусловно, будет иметь положительный эффект и как следствие будет способствовать динамичному развитию государства в целом.

В сфере же социальной политики профильным комитетом должны быть выработаны Основы принципов социального законодательства Кыргызской Республики. Подобный акт определит приоритетные направления в социальной сфере и будет способствовать планомерному и системному развитию социальной сферы, обозначая взаимосвязанные и взаимообусловленные секторы социальной сферы, и в целом определит общую правовую политику в социальной сфере. В настоящее время в социальной сфере действует разрозненное законодательство, основные принципы в различных секторах социальной сферы не всегда гармонизируют и соответствуют общей политике государства.

В рамках контрольных функций Жогорку Кенеш осуществляет контроль над исполнением законов и иных нормативных актов прежде всего Правительством Кыргызской Республики. Как правильно, отмечает белорусский ученый Василевич Г.А. «Контроль в правовой сфере позволяет сопоставить, насколько соответствует реальность образцу, норме, то есть насколько точно и полно исполнен акт законодательства. И в этом смысле эффективный контроль – важное условие укрепления законности» [3, с.6].

Контрольные функции парламента осуществляются в ходе рассмотрения отчетов Правительства, Генерального прокурора, других государственных органов. Так, в апреле 2017 года Премьер-министром был представлен отчето деятельности Правительства за 2016 год следует, в котором указывалось, «что с января указанного года была реализована Программа Правительства «Стабильность, доверие и новые возможности» на 2016 год, утвержденная постановлением Жогорку Кенеша от 5 ноября 2015 года №10-VI. В целях реализации Программы Правительства в рамках Плана действий Правительства по реализации Программы Правительства на 2016 год, утвержденного постановлением Правительства от 29 января 2016 года №41, в целом из 395 мероприятий было предусмотрено 87 «Антикризисных мероприятий». Исполнение Программы Правительства по целям за указанный период составило 90,2%.

Постановлением Жогорку Кенеша от 13 апреля 2016 года №438-VI была

утверждена Программа Правительства «Доверие и единство» на 2016 год, в рамках которой Правительством был утвержден новый План действий Правительства на 2016 год. Новым Планом действий Правительства на 2016 год предусмотрено 269 мероприятий. Данные мероприятия в основном были направлены на обеспечение устойчивого развития экономики и социальной стабильности в периоды наиболее сильного влияния внешних и внутренних неблагоприятных факторов. По итогам 2016 года, из 269 мероприятий было выполнено 212 (79%), не выполнено – 18 мероприятий (7%), 39 мероприятий перенесены в План действий Правительства на 2017 год (14%). Исполнение Программы Правительства «Доверие и Единство» по целям составило 89,6%. Обобщенный показатель реализации общегосударственных программ за 2016 год составил 78,1%. Ключевой отличительной особенностью в представленном отчете Премьер-министра за 2016 год была оценка интегрального количественного показателя работы Правительства, который был рассмотрен комитетами Жогорку Кенеша по соответствующим блокам» [4]. При рассмотрении отчета Правительства Кыргызской Республики обязательно рассматривается деятельность Правительства в социальной сфере. Так, премьер-министр «С. Жээнбеков ответил на вопросы, касающиеся социально-экономического развития страны. В частности, рассказал о реализуемых инвестиционных проектах, развитии туристической отрасли, дорожно-транспортной инфраструктуры и результатах работы по борьбе с коррупцией» [5].

Контрольные функции парламента, реализуются также в процессе формирования правительства. Так, в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики Жогорку Кенеш утверждает состав, структуру и программу правительства Кыргызской Республики, тем самым дает старт проектам во всех сферах деятельности государства. «Заслушивание доклада Премьер-министра о программе деятельности Правительства и одобрение либо отклонение ее является одновременно средством контроля за исполнительной властью, а также оказания соответствующего влияния на определение вектора развития народного хозяйства, экономической системы» [3, с. 9].

К примеру, при рассмотрении проекта программы Правительства Кыргызской Республики «Жаны доорго - кырккадам», которая впоследствии была утверждена постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 25 августа 2017 года №1836-VI, на внеочередном заседании Жогорку Кенеша Кыргызской Республики парламентарии обращали внимание на актуальные вопросы в жизнедеятельности государства и общества и уточняли наличие мер по устранению или минимизации проблем в указанных сферах. «Представляя проект программы, претендент на должность главы Правительства С. Исаков отметил, что основной акцент в документе сделан на экономическое развитие страны, решение проблем в социальной сфере и обеспечение безопасности [6].

Вместе с тем, реализация контрольных функций парламента Кыргызстана не имеет системного и последовательного характера, хотя принят и действует Закон Кыргызской Республики «О порядке осуществления контрольных функций Жогорку Кенешем Кыргызской Республики» от 13 августа 2004 года №121. По нашему мнению, данный закон недостаточно полно отражает сущность контрольных функций парламента Кыргызстана. В законе в качестве контрольных функций рассматривается лишь «проведение в жизнь законов и решений, принятых Жогорку Кенешем Кыргызской Республики» [7], в то время как контроль законодательного органа государственной власти должен рассматриваться как разновидность государственного контроля, как одна из важных функций парламента, осуществляемая с целью обеспечения законности и эффективности деятельности органов государственной власти.

Контрольные функции парламента Кыргызской Республики должны быть направлены на: обеспечение соблюдения Конституции Кыргызской Республики,

исполнение национального законодательства; защиту закрепленных в Конституции и Кыргызской Республики прав и свобод человека и гражданина; обеспечение верховенства права; выявление ключевых проблем в деятельности органов государственной власти, повышение эффективности системы государственного управления, а также акцентирование внимания государственных органов и должностных лиц на недостатках, выявленных в процессе осуществления парламентского контроля, возможностях их устранения; противодействие коррупционным проявлениям, а также изучение практики реализации национального законодательства для дальнейшей выработки рекомендаций с целью совершенствования законодательства Кыргызстана и повышения эффективности его исполнения.

Контрольные функции Жогорку Кенеша–парламента Кыргызской Республики в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики могут реализовываться в следующих случаях:

- 1) при рассмотрении Жогорку Кенешем вопроса о доверии Правительству Кыргызской Республики;
- 2) при рассмотрении Жогорку Кенешем вопроса о недоверии Правительству Кыргызской Республики;
- 3) при утверждении состава, структуры и программы Правительства Кыргызской Республики,
- 4) при утверждении республиканского бюджета и отчета о его исполнении;
- 5) при заслушивании Жогорку Кенешем ежегодных отчетов Правительства Кыргызской Республики об итогах его деятельности;
- 6) при рассмотрении Жогоку Кенешем годовых отчетов председателя Национального банка;
- 7) при направлении парламентских запросов;
- 8) при направлении депутатских запросов;
- 9) при заслушивании на заседаниях комитетов Жогорку Кенеша информации членов Правительства Кыргызской Республики, руководителей и должностных лиц органов исполнительной власти, иных государственных органов;
- 10) при рассмотрении вопроса о выполнении программ социально-экономического развития Кыргызской Республики;
- 11) при рассмотрении комитетами Жогорку Кенеша состояния исполнения законодательных актов, правоприменительной практики и осуществлении ими мониторинга за принятием подзаконных актов;
- 12) при проведении «правительственного часа»;
- 13) при заслушивании доклада Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики;
- 14) при назначении на должность и освобождении от должности Председателя Счетной палаты Кыргызской Республики, заместителя Председателя Счетной палаты, аудиторов Счетной палаты
- 15) при заслушивании Жогорку Кенешем ежегодных докладов Генерального прокурора Кыргызской Республики о состоянии законности и правопорядка в Кыргызской Республике и о проделанной работе по их укреплению;
- 16) при проведении парламентских слушаний;
- 17) при проведении парламентских расследований.

В настоящее же время в рамках конституционных полномочий парламентарии поднимают те или иные злободневные вопросы, что зачастую является реакцией на те или иные обращения избирателей. Целесообразно было бы проводить системный анализ ситуации в государстве и проводить последовательную оценку исполнения законов и иных актов органами государственной власти, и исполнительной власти прежде всего. Отчасти такую задачу решает рассматриваемый нами документ, принятый парламентом

на период до 2021 года. Однако в целях придания системного и последовательного характера реализации контрольных функций Жогорку Кенеша Кыргызской Республики целесообразно разработать и принять Закон Кыргызской Республики «О парламентском контроле», в котором детально будут регламентированы вопросы реализации контрольных функций парламента Кыргызстана, в том числе и в сфере социальной политики государства. Отметим, что подобные законы действуют в настоящее время в Российской Федерации, в Республике Узбекистан и др. странах.

Надо отметить, что Жогорку Кенеш презентует себя в качестве одного из важнейших субъектов социальной политики государства, поскольку в Стратегии развития Жогорку Кенеша до 2021 года отмечено особое место парламента в определении дальнейшего развития страны. Так, в качестве основной миссии парламента Кыргызской Республики VI созыва в данном документе обозначено «дальнейшее укрепление парламентской демократии и усиление роли Жогорку Кенеша в обеспечении благосостояния народа и развития Кыргызстана» [2]. В плане же мероприятий по реализации указанной Стратегии развития Жогорку Кенеша до 2021 года в рамках решения одной только задачи «создания правовых и институциональных механизмов межфракционного взаимодействия по выработке консолидированной позиции в вопросе стратегического видения развития страны» указаны мероприятия, в которых основным субъектом выступает как парламента, так и правительство страны: подготовка, утверждение и направление в Правительство согласованных предложений к программам социально-экономического развития страны / программам развития отраслей; рассмотрение и утверждение общегосударственных и отраслевых программ развития страны, разработанных Правительством КР; мониторинг принятых программ развития страны [2].

В данном аспекте нельзя не отметить тот факт, что в качестве одного из мероприятий в данном плане указано «Поручить Правительству КР на основе разработанной Концепции развития страны на долгосрочный период (до 2031 г.) разработать Стратегию развития КР до 2031 года» [2]. При этом указаны сроки: 2-3 квартал 2017 года. В то же время известно, что в апреле 2017 года экс-президентом Кыргызской Республики А. Атамбаевым подписано решение о подготовке долгосрочной стратегии развития страны на период до 2040 года [8]. Это свидетельствует о несогласованности и разобщенности действий двух высших органов государственной власти, что, безусловно, накладывает негативный отпечаток на функционировании государства в целом. На сегодняшний день имеют место быть два проекта Стратегии развития Кыргызской Республики: один на период до 2031 года и второй на период до 2040 года. При этом представлен на общественное обсуждение проект Стратегии развития Кыргызской Республики на период до 2040 года. По нашему мнению, вышеуказанный факт является следствием наличия пробела в Конституции Кыргызской Республики в части определения субъекта внутренней политики государства, вследствие чего два высших органа государственной власти, всенародно избранных народом, предполагают свое особое место в системе государственной власти и оба пытаются выступать как наиболее важный субъект в государственном управлении.

Как правильно отмечено в Стратегии развития Жогорку Кенеша до 2021 года «успешность страны зависит, прежде всего, от правильно выбранной, адекватной менталитету общества модели социального развития, а не от модели экономики, которая для обеспечения прорывного развития страны является вторичной», при этом немаловажным является определение на конституционном уровне модели государственного управления и, соответственно, субъекта внутренней политики, в том числе социальной политики государства. Ведь, несмотря на откровенные заявления о переходе к парламентской форме правления юридическая конституция Кыргызстана содержит ряд норм, свидетельствующих о президентско-парламентской

республиканской форме правления: всенародно избираемый президент, отсутствие института контрасигнатуры. В то же время наблюдается пробел в определении гаранта конституции, гаранта прав и свобод человека, в том числе и социальных прав и свобод, субъекта внутренней, а значит и социальной, политики государства. Указанные несовершенства отечественного конституционного законодательства должны быть рассмотрены и устранены законодательным органом, что будет способствовать упорядочению правового регулирования не только социальной сферы, но и всей системы государственного управления, что положительно скажется в динамике государственного развития.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно резюмировать, что парламент как один из высших органов государственной власти играет важную роль в определении и реализации социальной политики государства, что проявляется в реализации законодательной деятельности и контрольных функций. В целях упорядочения законодательной деятельности Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в социальной сфере целесообразно разработать и принять Закон Кыргызской Республики «Об основных принципах социального законодательства», что будет способствовать более системному и последовательному законодательствованию в анализируемой сфере.

Осуществляя контрольные функции, парламент также может оказывать существенное воздействие на формирование и реализацию социальной политики государства. В целях придания системного и последовательного характера реализации контрольных функций Жогорку Кенеша Кыргызской Республики целесообразно принятие Закона Кыргызской Республики «О парламентском контроле», в котором детально будут регламентированы вопросы реализации контрольных функций парламента Кыргызстана, в том числе и в сфере социальной политики государства.

Кроме того, реализация представительских и законодательных функций Жогорку Кенеша должна быть направлена на совершенствование норм Конституции, что будет способствовать упорядочению правового регулирования не только социальной сферы, но и всей системы государственного управления, что положительно скажется в динамике государственного развития, поскольку Конституция является основным политико-правовым документом, представляющим собой правовую основу всего законодательного массива страны и определяющим вектором государственно-правового развития.

Список литературы

1. Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года (В редакции Закона КР от 28 декабря 2016 года № 218) // Информационно-правовая система «Токтом».
2. Стратегия развития Жогорку Кенеша Кыргызской Республики до 2021 года: утверждена постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 6 октября 2016 года № 958-VI // Информационно-правовая система «Токтом».
3. Василевич Г.А. Контрольная функция Парламента и местных Советов депутатов Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2008. – 166 с.
4. Электронный ресурс: <http://kenesh.kg/ru/committee/article/1/878/show/reshenie-komiteta-po-konstitutsionnomu-zakonodatelystvu-gosudarstvennomu-ustroystvu-sudebno-pravovim-voprosam-i-reglamentu-zhogorku-kenesha-ot-25-aprelya-2017-goda-ob-otchete-premyer-ministra-kirgizskoy-respubliki-o-rabote-pravitelystva-kirgizskoy-respubliki-za-2016-god>.
5. Электронный ресурс: <https://ru.sputnik.kg/politics/20170427/1033116627/zhogorku-kenesh-prinyal-otchet-premer-ministra.html>.
6. Электронный ресурс: <http://www.kenesh.kg/ru/news/show/3559/deputati>

rassmatrivayut-proekti-programmi-strukturi-i-sostava-pravitelystva-kr.

7. Закон Кыргызской Республики «О порядке осуществления контрольных функций Жогорку Кенешем Кыргызской Республики» от 13 августа 2004 года №121 (В редакции Законов КР от 31 июля 2007 года №122, 13 июля 2012 года №109)// Информационно-правовая система «Токтом».

8. Электронный ресурс: <https://kyrtag.kg/society/prezident-podpisal-reshenie-o-podgotovke-dolgosrochnoy-strategii-razvitiya-kr-na-period-do-2040-goda>. Дата доступа: 12.12.2017.

9. Антонов Е.П. Национальная интеллигенция: поиски путей развития края // Народ саха от века к веку: Очерки истории. Новосибирск, 2003. С. 182-206.

10. Арефьев П.В. Преодоление социальной дифференциации как фактор перехода к устойчивому экономическому развитию // Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (89). С. 48-63.

11. Бакшеев А.И. К вопросу о теоретических основах советской государственности (исторический аспект)// Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 68-73.

12. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность - гражданское общество - права и свободы граждан. - Ростов-на-Дону, 2005.

13. Булаков О.Н., Ерёменко Е.В. Парламентская деятельность (элементы мирового опыта и российской практики) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 11-15.

14. Иванихин А.А. Сущность и динамика социальных конфликтов // В книге: Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского Сер. "Гуманитарные науки" Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. 2015. С. 446-452.

15. Михалёв Ю.А. Роль интернета в политике государств современного мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 26 (737). С. 147-154.

16. Прасолов В.И. Роль свободных профсоюзов в политической системе современной России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. - Москва, 2011. – 22 с.

17. Смашникова Т.Б. Особенности трудовой миграции в союзном государстве беларуси и России // В сборнике: Современная юриспруденция: проблемы и решения материалы международной заочной научно-практической конференции. 2013. С. 7-12.

18. Седова Н.В. К вопросу о государственно-частном партнерстве в Российской Федерации // Качество. Инновации. Образование. 2014. № 3. С. 70-73.

19. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I., Mamychyev A.Y. The state authority constitutional legitimacy in modern Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 5 S3. С. 201-208.

20. Kirillova E.A., Suslikov V.N., Tsokur E.F., Zenin S.S., Zul'fugarzade T.E.D. The legal problems of forced migration: a comparative and legal analysis illustrated by the european union countries and Russia // Man in India. 2016. Т. 96. № 10. С. 3561-3571.

Информация об авторе:

Атабекова Нургуль Каримовна,
Кандидат юридических наук, доцент, Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве Кыргызской Республики, г.Бишкек, Кыргызская Республика

Information about author:

Atabekova Nurgul Karimovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Kyrgyz State Academy of Law under the Government of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

УДК 338.242

Д.В. Аксёнов

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЗАЦИИ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ**

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

Аннотация: В данной статье рассмотрены ключевые механизмы законодательного обеспечения экологизации АПК, а также внедрение принципов и методов повышения экологической безопасности предприятий агропромышленного комплекса. Авторами проведен сравнительный анализ, выделены основные проблемы защиты окружающей среды и экологизации, сделаны выводы.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, экологизация, защита окружающей среды, экологический менеджмент, агропродовольственная деятельность.

UDC 338.242

D.V. Aksyonov

**STATE POLICY IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION
AND ENVIRONMENTAL NATURALIZATION**

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation*

Abstract: This article describes the key mechanisms of legislative support greening of agribusiness, as well as implementation of the principles and methods of increase of ecological safety of the enterprises of agroindustrial complex. The authors carried out a comparative analysis, highlighted the main problems of environmental protection and ecologization, and made conclusions.

Key words: agro-industrial complex, ecologization, environmental protection, environmental management, agro-food activities.

Исторически сложилось, что сегодня едва ли не самым главным из сегментов аграрной деятельности человечества является земледелие - одновременно оно представляет собой существенный фактор антропогенного давления на агроландшафты [3]. Базовым элементом земледельческой деятельности является почва [9], и естественно, что именно через призму именно этой субстанции наиболее целесообразно следует рассматривать экологический аспект агропроизводственной деятельности [20].

Как отмечается современными авторами [7; 13 и др.], основным критерием экологической оценки почв должна быть урожайность отдельных культур и общая производительность сельскохозяйственных растений. Биомасса, в свою очередь, образуется в процессе фотосинтеза, при котором космическая энергия превращается растениями в органическое вещество. То есть, логично было бы с целью определения общего показателя продуктивности растений применять нормативы содержания энергетических единиц в отдельных видах растениеводческой продукции, которые могут быть применены для практических целей экологической оценки.

Комплексная экологическая оценка пахотных земель включает оценку по урожайности сельскохозяйственных культур и общей их производительности, другие сельскохозяйственные угодья - по производительности растений, продукция которых потребляется. В процессе оценки ключевым звеном является разработка шкал в разрезе агропроизводственных почв, основу которой составляет определения показателей урожайности и производительности для каждой такой группы.

Анализ, проведенный на основе экспериментальных расчетов, показывает, во-первых, что относительные показатели (баллы) экологической и экономической оценки совпадают. Это закономерно, так как кадастровая урожайность в энергетические единицы переводится с помощью постоянных для всех агропромышленных почв коэффициентов.

На сегодня большую актуальность приобретает влияние на экологическое состояние качества почвенного покрова [8]. По данным кадастрового учета наиболее распространенными в нашей стране группами почв является черноземы и близкие к ним лугово-черноземные почвы, которые суммарно занимают 72,7% всех пахотных земель. Это самые плодородные почвы - золотой фонд страны, хотя и среди них есть как более, так и менее плодородные. В частности, менее плодородные черноземы на глинах, на песках, солонцеватые, эродированные.

Второе место по распространению занимают оподзоленные почвы, занимающие 12,1% (сюда вошли и черноземы оподзоленные, отнесенные к группе черноземов). На третьем месте по распространению находятся менее плодородные дерново-подзолистые почвы, которых насчитывается лишь 7%. Эродированность земли более всего наблюдается среди черноземов и оподзоленных почв.

Сейчас надо отметить, что реальная эффективность использования земельных угодий зависит не только от организационных факторов и качества почв, но и от целого ряда факторов агроклиматического и агроэкологического направления, в частности, тепло- и влагообеспеченности [15; 22]. Существует так называемый экологический оптимум (тепловой, гидрологический), под которым понимают такие ресурсы температуры и влаги, которые, воздействуя на растение в определенные фазы развития, дают ему возможность проявить потенциальную производительность [5; 18]. Экологические пределы (избытка или дефицита) зоны выращивания культуры показывают ту температуру, то количество влаги, которые, действуя на растение в течение всего вегетационного периода, снижают урожайность культуры до минимума, но это приемлемо с точки зрения экономической целесообразности.

Агроэкологическая пригодность пашни определяется степенью соответствия качества почв оптимальным требованиям растений. По мере уменьшения соответствия снижается пригодность почв, и, как следствие, уровень потенциальной урожайности. Классификация пахотных земель по пригодности почв для выращивания культур осуществляется так, чтобы в пределах зон выращивания выявить регионы с лучшими агроэкологическими условиями для производства отдельных видов земледельческой продукции. В данном случае пригодность выражается степенью соответствия свойств и признаков почв агробиологическим требованиям растений и возможностям давать определенный урожай.

Пригодность дифференцируется, как и большинство свойств и признаков качества почв, по пяти степеням или подклассам. Учитывая разнообразие почвенно-климатических, экологических и экономических условий сельскохозяйственного производства, пригодность почв определяется в следующем порядке: выделяются зоны выращивания культур; формируются подклассы годности; вычисляются площади пахотных земель по подклассам годности. Площади пахотных земель по подклассам годности устанавливаются на уровне государства в разрезе областей и природно-сельскохозяйственных зон, и провинций; на уровне области по районам и по агроэкологическим округам; на уровне района (в разрезе хозяйств) на уровне хозяйств по севооборотам и полях. Экономико-экологическая эффективность безопасного землепользования предусматривает введение контурно-мелиоративной организации территории на склоновых участках (в дальнейшем КМОТ).

Процесс управления охраной окружающей среды в современных условиях состоит в осуществлении в этой области функций наблюдения, исследования, экологической экспертизы, контроля, прогнозирования, программирования, информирования и другой исполнительно-распорядительной деятельности [2; 19].

В настоящее время исследователи выделяют, как минимум, три возможных механизма реализации экологической политики [11; 17; 21 и др.]:

- прямое регулирование, характеризующееся влиянием государства;
- экономическое стимулирование, связанное с развитием рыночных механизмов;
- смешанные механизмы, сочетающие первые два подхода.

Интенсивное развитие процессов поиска эффективных государственных и рыночных регуляторов в этой области, их оптимального сочетания берет свое начало в 60 - 70 годах прошлого столетия, для которых характерно существенная актуализация экологических проблем. Это заставило страны с рыночной экономикой начать создавать централизованные административные системы управления охраной окружающей среды, в частности, акцент делался на законодательные ограничения вредных воздействий на окружающую среду, государственное нормирование, контроль, а также фискальные методы.

Мы уверены, что в процессе управления охраной окружающей среды должно быть взаимовыгодное сочетание административных и рыночных механизмов, ведь даже сегодня продолжается поиск оптимальных эколого-экономических регуляторов. Поэтому можно справедливо говорить лишь о главных принципах и подходах к созданию экономического механизма взаимоотношений общества и природы - готовой и, что самое главное, эффективно функционирующей модели такого механизма в мире, к сожалению, не существует.

Наряду с этим, мы не имеем права не отметить положительные стороны и недостатки государственного и рыночного подходов, ведь имеющийся мировой опыт показал неэффективность «чистого» использования каждого из них. Очевиден вывод, что будущее - за разумным сочетанием, симбиозом государственного и рыночного механизмов, смешанным подходом в зависимости от экологической ситуации, особенностей экономики и тому подобное.

В нашей стране экологизация экономики, переход на принципы устойчивого развития осложняется общим экономическим кризисом, сломом старой командно-административной системы и трудностями перехода к рыночной экономике. Современное социально-экономическое положение государства свидетельствует о том, что национальной экономике не удалось радикально изменить экстенсивный тип развития и обеспечить рациональное природопользование.

Долгое время отечественная экономика централизованно строилась с огромными структурными диспропорциями, которые, например, при размещении производительных сил в условиях командно-административной системы привели к

тому, что уровень техногенной нагрузки на природную среду страны и по сей день превышает аналогичный показатель развитых стран минимум в 4 - 5 раз. Применение во многих случаях устаревших технологий и оборудования, крайне высокая концентрация потенциально опасных объектов в отдельных регионах, большая изношенность производственных фондов предприятий предопределяют значительную вероятность возникновения крупных аварий и катастроф с непредсказуемыми для окружающей среды последствиями.

Отечественная экономика ежегодно теряет до 10% ВВП в виде уменьшения производительности основных фондов, нерационального использования природных и человеческих ресурсов, вместе с тем, ресурсоемкость конечного национального продукта в среднем в три раза превышает мировой уровень. По условиям достаточно высокого рейтинга среди развитых стран мира по обеспеченности основными факторами производства, наше государство отстает от них по уровню их рационального использования. Об использовании основного капитала по сравнению, например, с Францией, то он ниже почти в 3 раза, сельхозугодий - в 11 раз, трудовых ресурсов - в 15 раз, научного потенциала - более чем в 20 раз.

Экстенсивно-сырьевая направленность аграрного производства страны, наряду с низкой рентабельностью, обуславливает высокую энергоемкость национального продукта и угрожающую техногенной загруженностью на природную среду [6; 14]. Начиная с 1991 года, энергоемкость ВВП выросла почти в 1,5 раза и на сегодня составляет 2,28 кг условного топлива. Парадоксально, но даже в условиях сегодняшнего значительного падения сельскохозяйственного производства, наша страна находится среди стран с наиболее высокими абсолютными объемами образования и накопления отходов. Не так давно возникла, на первый взгляд, положительная тенденция, когда из-за длительного спада интенсивности агропроизводства усиление нагрузки на природную среду было незначительным или вообще не наблюдалось. Например, потребление пресной воды в 1998г. составило 76% по сравнению с уровнем 1990 г., а сброс загрязненных вод в поверхностные водные объекты уменьшился в 1,25 раза, однако, это явление имело временный характер, и связывать его с общим улучшением экологического состояния в области было бы ошибкой.

Общегосударственная отраслевая структура промышленности и сегодня является перегруженной производством первичных сырьевых ресурсов и полуфабрикатов, так доля топливно-энергетического комплекса на 125% превышает аналогичный показатель таких стран, как Франция, Германия, Италия, а металлургического комплекса - почти втрое. В то же время удельный вес продукции прогрессивных отраслей - машиностроения и металлообработки, химической и нефтехимической промышленности, высокотехнологического и интенсивного сельского хозяйства - ниже в 1,5 - 2 раза.

Принимая во внимание настоятельную необходимость системного подхода при планировании национальной экологической политики, становится очевидным, что необходимость решения сложной системы задач, связанных с требованиями оптимизации природопользования, оздоровления природной среды, требует значительных усилий, взвешенности и последовательности. В течение длительного периода централизованно-планового управления с государственной формой собственности на все виды национального богатства, включая и природные ресурсы, применялись принципы ведомственно-отраслевого управления. Данная система не отличалась комплексностью, не была межотраслевой, а составляла рассредоточение между министерствами и ведомствами отдельных звеньев управления и контроля за охраной различных компонентов природной среды и их ресурсов без функциональной взаимосвязи и значимости. По этой структуре учета территориальных интересов, таких

как экологическая безопасность населения и использование природного потенциала, не только не происходило, но и вообще было теоретически невозможно.

Государственная политика по охране природы недавно отличалась определенным дуализмом: с одной стороны, якобы очевидно активная законодательная и правовая деятельность в этой области, а с другой - вся хозяйственная практика государства в лице государственных и местных органов власти была сплошным нарушением и отклонением от норм природоохранного законодательства. Как очевидный и закономерный результат - не только накопление многочисленных экологических проблем, а и резонансные экологические катастрофы, и кризисные явления регионального, государственного и даже планетарного масштабов (Чернобыль и т.д.). Таким образом, система организации управления природопользованием, охраны природной среды, контроля за этими процессами оказалась неспособной осуществлять экологическое регулирование экономического развития, решать сложные эколого-экономические проблемы.

Итак, логичной целью управления в области охраны окружающей природной среды является реализация законодательства, контроль за соблюдением требований экологической безопасности, обеспечение проведения эффективных и комплексных мероприятий по охране окружающей природной среды, рационального использования природных ресурсов, достижения согласованности действий государственных и общественных органов в области охраны окружающей природной среды.

С методологической стороны, система регулирования природопользования органически связана с более сложной системой регулирования рыночных отношений и поэтому, соответственно, может рассматриваться как ее подсистема [16]. С другого ракурса, она имеет свою иерархическую структуру, сформированную аналогичными подсистемами низшего уровня. Сегодня конечной структурной единицей системы регулирования природопользования в области АПК следует признать предприятие-природопользователя как юридически и экономически самостоятельный субъект хозяйствования. Вместе с тем, было бы не совсем верным и нецелесообразным разрушать архитектуру указанной системы на уровне сельхозпредприятия, поскольку с развитием рыночных отношений, основанных на различных формах собственности, становится возможной более глубокая диверсификация экологической деятельности общества.

Объективная необходимость и значимость современного государственного регулирования природоохранной деятельности сельскохозяйственного предприятия обусловлена, во-первых, тем, что становление отечественного рынка происходит в период уже сложившейся неблагоприятной экологической ситуации, доставшейся по наследству, поэтому ее коренное улучшение является неотложным [12]; во-вторых, локальный и региональный характер проявления последствий негативного воздействия на состояние природной среды выше, при любых социально-экономических и политических условиях требует согласованных усилий административных единиц, отдельных отраслей и предприятий, особенно тех, которые находятся в зоне повышенной опасности [10]; в-третьих, в рамках индикативного планирования целенаправленных действий в регионе могут быть применены инструменты регулирования, не ограничивающие прав экономической самостоятельности субъектов природопользования [4].

К проблемам системного характера, всегда нуждавшихся в принципиальном решении, и которые, будем откровенны, сегодня решить в стране не удалось, следует отнести проблему экологических приоритетов [1].

Реально они не получили того значения, которое придается чисто экономическим приоритетам, в частности, росту темпов аграрного производства. Сознание менеджеров в сфере экологизации производства за редкими исключениями заикнуто на

декларационном уровне и еще очень далеко от перехода на уровень практических действий.

Принимая во внимание межсекторный характер и необходимость системного подхода, решение проблемы интеграции экологических приоритетов в стратегии социально-экономических реформ требует разработки конкретных механизмов такой интеграции, формирования новых и совершенствования существующих взаимовыгодных форм партнерства между секторами. В частности, при разработке и внедрении планов действий разного уровня, формирования новой методологии разработки и, наконец, разработки новых и совершенствования существующих механизмов финансового обеспечения реализации природоохранной деятельности в сфере АПК.

В рамках реформирования общей системы народного хозяйства нашей страны на современном историческом этапе, возникает насущная проблема корректировки векторов экологической политики. Принимая во внимание даже тот факт, что в последние годы по экономическим причинам сократилось как производство ВВП, так и антропогенная нагрузка на окружающую среду, не следует считать, что после существенного улучшения экономического положения экологические проблемы отойдут на второй план. Именно поэтому совершенствование планирования и управления природоохранной деятельностью сельскохозяйственной отрасли, интеграция экологической политики в экономику, политику и в другие отрасли народного хозяйства на сегодня очень актуальны.

Список литературы

1. Абшаев А.М., Абшаев М.Т., Малкарова А.М., Барекова М.В. Руководство по организации и проведению противоградовых работ.- Нальчик, 2014. – 508 с.
2. Александрова Т.Н. Развитие методов оценки и управления эколого-технологическими системами при рудной и россыпной золотодобыче и использовании вторичного сырья в Дальневосточном регионе // Диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук.- Хабаровск, 2008. – 433 с.
3. Антонов Е.П. В.В. Никифоров и якутское сельскохозяйственное общество // В.В. Никифоров - человек и личность 1997. С. 36-37.
4. Бондарев В.А., Волкогон В.А., Нечаев Ю.И. Концептуальный базис контроля морских катастроф в чрезвычайных ситуациях // Актуальные вопросы проектирования, постройки и эксплуатации морских судов и сооружений Труды региональной научно-практической конференции. Научный редактор В.И. Истомин. 2017. С. 28-46.
5. Гончарова О.В. Парадигма экологического гуманизма в решении экологических проблем XXI века // Зеленая экономика""": риски, выгоды и перспективы с точки зрения устойчивого развития III Манякинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. 2014. С. 328-334.
6. Долотов А.Е., Кузнецов Г.В., Немова Т.Н. Моделирование процесса испарения несимметричного диметилгидразина в атмосфере земли // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 4. С. 23-25.
7. Друзьянова В.П. Ресурсосберегающая технология утилизации бесподстилочного навоза в условиях республики Саха (Якутия) // Аграрный вестник Урала. 2008. № 1. С. 63-64.
8. Желонкина Е.Э. Геоэкологическая оценка заповедных территорий ханты-мансийского автономного округа и пути рационального природопользования: автореф. дисс. канд. геог. наук. - Москва, 2005. – 27 с.
9. Кутсаманова И.Н. Совершенствование приемов защиты картофеля от вирусных болезней: автореф. дисс. ... канд. биол. наук. - Москва, 1999. – 20 с.

10. Куяров А.В., Куярова Г.Н., Куяров А.А., Сайгушева Л.А., Низамутдинова З.Н., Нохрина С.Н., Сухарев Д.А. Пробиотическая микробиология на службе здоровья жителей севера. - Сургут, 2013.
11. Макеева Е.Д. Становление системы государственного управления охраной природы в России в 1917-1920-х гг // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 34-39.
12. Малов А.И. Качество воды и здоровье человека // В сборнике: Биологические аспекты экологии человека Материалы Всероссийской конференции с международным участием. 2004. С. 295-298.
13. Мельник Б.Е., Егорова С.В. Технология перемежающегося вентилирования зерна. - Москва, 1991. – 28 с.
14. Могильный М.П. Оборудование предприятий общественного питания. Москва, 2005.
15. Перепелица Д.И., Ляхин Ю.С., Лепихин А.П., Тиунов А.А. Разработка схемы оптимизации использования Юмагузинского и Нугушского гидроузлов // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2009. № 2. С. 34-48.
16. Пескова Д.Р. Коммерческая тайна в системе экономических отношений. - Москва, 2011.
17. Статива А.С., Трофименко С.В., Гриб Н.Н. Анализ существующих представлений о тектонике Алданского щита // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2006. Т. 17. № 3. С. 167-189.
18. Уханов В.П., Хамитова С.М., Авдеев Ю.М. Экологический мониторинг состояния особо охраняемых природных территорий // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2016. № 10 (121). С. 66-7
19. Феокистова О.Г. Теоретические основы повышения эффективности управления системой экологической безопасности при техническом обслуживании и ремонте авиационной техники // Диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук. - Москва, 2009. – 439 с.
20. Чулкина В.А., Торопова Е.Ю., Стецов Г.Я., Воробьева И.Г., Ховалыг Н.А. Фитосанитарный мониторинг вредных организмов как методологическая основа для разработки и совершенствования интегрированной защиты растений // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2010. № 4. С. 107-116.
21. Шевцова О.В. Изменчивость кальций-хлорного и магний-хлорного отношений в водах бухты Алексева (О.Попова, Японское море) при различных гидрометеоусловиях // Материалы годичной сессии 1994 1997. С. 151-160.
22. Юрищева А.А., Кыдралиева К.А., Пукальчик М.А., Тимофеев М.А., Рахлеева А.А., Маторин Д.Н., Терехова В.А. Нанокompозитный сорбент для очистки природных сред и его экотоксикологическая оценка // Экология и промышленность России. 2011. № 9. С. 50-53.

Информация об авторе:

Аксенов Дмитрий Вячеславович,
Младший научный сотрудник, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, г. Москва, Россия

Information about author:

Aksenov Dmitry Vyacheslavovich,
Junior Researcher, Russian Academy of
National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Научная дискуссия

УДК 001.8

Е.А. Супонина

НАКРУЧИВАНИЕ ИНДЕКСА ЦИТИРОВАНИЯ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ)

Воронежский экономико-правовой институт

Аннотация: В статье представлен авторский взгляд на наиболее типичные способы искусственного увеличения индекса цитируемости и индекса Хирша в ущерб научной составляющей. В ходе исследования проанализированы причины академической недобросовестности, имеющей место в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: индекс Хирша, индекс цитирования, академическая недобросовестность, академическое мошенничество, плагиат, автоплагиат, взаимцитирование, самоцитирование.

UDC 001.8

E.A. Suponina

ARTIFICIAL INCREASE OF THE CITATION INDEX AS ONE OF MANIFESTATIONS OF ACADEMIC DISHONESTY (FOR EXAMPLE, EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MIA OF RUSSIA)

Voronezh Institute of Economics and Law

Abstract: the article presents the author's view on the most typical ways of artificially increasing citation index and h-index to the detriment of the scientific component. The study analyzed the causes of academic dishonesty in educational institutions of the MIA of Russia.

Keywords: Hirsch index, citation index, academic dishonesty, academic fraud, plagiarism, plagiarism, vzaimootnoshenia, self-citations.

Индекс цитирования научных статей представляет собой реферативную базу данных научных публикаций, которая индексирует ссылки, указанные в пристатейных списках определенного объема публикаций и предоставляет количественные показатели этих ссылок.

Первый индекс цитирования для статей, опубликованных в научных журналах, был введен в 1960 году Институтом научной информации (Institute for Scientific

Information), коммерческой частной компанией, занимавшейся вопросами формирования библиографических баз данных научных публикаций, их индексированием и вычислением индекса цитируемости, импакт-фактора и прочих статистических показателей научных работ. В двадцать первом веке появились и иные источники подобного рода данных (например, Google Scholar - бесплатная поисковая система полнотекстовых научных публикаций всех дисциплин и форматов).

В 2005 году отечественной компанией «Научная электронная библиотека» («eLIBRARY.ru») был создан «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) - библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. На сегодняшний день РИНЦ – один из главных источников получения информации в целях оценки эффективности занимающихся научно-исследовательской работой организаций. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что нормативной основой использования наукометрических показателей РИНЦ для оценки результативности научных организаций Российской академии наук выступает Постановление Президиума РАН от 12.10.2010 года № 201 [1].

Наиболее распространенным на сегодняшний день в российском и мировом научном сообществе количественным показателем ссылок на имеющиеся у ученого опубликованные работы выступает так называемый индекс Хирша, показатель, разработанный в 2005 году Хорхе Хиршем, профессором физики из Калифорнийского университета в Сан-Диего. В последнее время в научной и околонаучной литературе все чаще можно встретить критические высказывания в адрес данного показателя.

Так, по мнению Е.В. Балацкого и Н.А. Екимовой, механистичный учет РИНЦ-показателей способен дать сильно искаженную картину реальности [2, с. 167].

В.А. Жмудь утверждает, что быстрый рост индекса Хирша зачастую может являться показателем предприимчивости и озабоченности автора в большей степени, нежели показателем интереса научной общественности к его публикациям [3, с. 106].

В.Г. Горохов говорит о том, что повышенная публикационная активность со стороны научных работников сегодня привела к появлению «исследовательской фабрики» - массовой печатной продукции вместо серьезных научных исследований [4, с. 193-194].

Е.В. Луценко и вовсе называет явление, связанное со стремлением, во что бы то ни стало, повысить свой индекс Хирша, «Хиршаманией» [5, с. 2].

В целом, соглашаясь с мнением перечисленных авторов, хотелось бы заметить, что первостепенной задачей сегодня должно являться не стремление представить индекс цитирования и индекс Хирша как чуждые отечественной науке показатели (хотя и данная позиция заслуживает внимания), а максимально оптимизировать их, исключив возможность академического мошенничества и исследовательской недобросовестности.

В качестве объекта исследования были выбраны образовательные организации Министерства внутренних дел Российской Федерации. Основная причина подобного выбора заключается в следующем.

За два десятилетия, минувших с момента преобразования высших школ МВД России в полноправные образовательные учреждения высшего образования – институты (а позднее некоторые - в университеты и в академии), существенным образом изменилось отношение государственной власти к правоохранительным органам. Однако системного анализа деятельности ведомственных вузов в научной литературе до сих пор не прослеживается. Высшие учебные заведения Министерства продолжают жить своей обособленной от остального общества жизнью, спорадически будоражась в предвкушении очередной реформы.

Красноречивым показателем оторванности «полицейской науки» от реалий отечественного образования явилась публикация в ноябре 2012 года на официальном сайте Министерства образования и науки Российской Федерации перечня

государственных вузов с «признаками неэффективности», в который учреждения МВД включены не были. И хотя подобное игнорирование ведомственных образовательных организаций произошло, скорее всего, по причине того, что некоторые запрашиваемые в отношении них сведения носят конфиденциальный характер, неприятный осадок остался. Ведь там, где отсутствует внешний (в первую очередь, общественный) контроль, как правило, обнаруживаются процессы стагнации, а то и элементарный обман.

Под академической недобросовестностью в научном сообществе понимают разнообразные виды обмана или мошенничества, связанные с образовательной и (или) научной деятельностью [6, с. 116].

В качестве проявлений подобной нечестности выступают: плагиат, выдумывание сведений, манипулирование данными для формирования вымышленных научных результатов и т.п.

Наиболее часто встречающейся разновидностью академической недобросовестности в образовательных организациях МВД России являются всевозможные манипуляции со сведениями, влияющие на показатели числа научных публикаций и их цитируемости (а, значит, и на величину индекса Хирша). К их числу относятся:

- повторение сведений об одной и той же публикации на сайте российской научной электронной библиотеки «eLIBRARY.ru»;
- плагиат (в том числе – автоплагиат);
- накручивание индекса Хирша путем включения в списки литературы научных трудов, не имеющих отношения к публикуемой работе;
- фальсификация данных.

С целью проверки объективности предоставления сведений на сайт научной электронной библиотеки «eLIBRARY.ru», в период с августа по сентябрь 2016 года независимым ученым И.П. Долгих был проведен анализ соответствующих списков публикаций профессорско-преподавательского состава Воронежского института МВД России. В результате проверки все перечисленные выше формы академической недобросовестности были им обнаружены и систематизированы, а информация о характерных примерах опубликована в №53-1-2016 электронного журнала «NovaInfo.ru» и проиллюстрирована необходимыми скриншотами [7].

Казалось бы, публикация в сетевом журнале открытого доступа сведений о массовом нарушении профессиональной этики со стороны лиц, осуществляющих служебную деятельность на должностях федеральной государственной службы в органах внутренних дел, должна была вызвать эффект разорвавшейся бомбы или, как минимум, инициировать широкое обсуждение озвученных проблем. Однако даже в самом Воронежском институте МВД России отмеченные в статье факты ухищрений полностью устранены не были. Судя по всему, остальные вузы вообще остались безучастными к анализируемому вопросу.

Такой вывод можно сделать, заглянув сегодня на сайт научной электронной библиотеки «eLIBRARY.ru», интегрированной с РИНЦ. Все то, о чем говорилось в прошлом, актуально и сейчас. Мало того, степень недобросовестности только увеличилась. Приведем лишь некоторые характерные примеры, по возможности не повторяясь.

1. Заоблачный индекс Хирша у «ученых» из Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.

Технологии повышения индекса Хирша (в том числе и мошенническим путем) широко известны. Об этом много писалось в научной литературе, а шарлатаны от науки давно и уже достаточно профессионально применяют описанные схемы на практике. Но

то, что происходит в Ставропольском филиале Краснодарского университета МВД России, пожалуй, заслуживает отдельной рубрики.

По состоянию на 21.12.2017 года в упомянутом филиале, согласно данным «eLIBRARY.ru», работает 5 (пять) ученых, показатели индекса Хирша у которых превышают 20 (для сравнения – в самом Краснодарском университете МВД России такой ученый лишь один). Передовиком в этом направлении является доцент кафедры тактико-специальной и огневой подготовки кандидат технических наук Л.И. Тимошенко, достигший индекса Хирша, равного 44. Чтобы осознать, насколько велик данный показатель, достаточно взглянуть на таблицу № 1, в которой содержится перечень лучших российских вузов за 2017 год, по мнению рейтингового агентства «Эксперт РА» [8], а также сведения о научных публикациях возглавляющих их ректоров, почерпнутые автором из российской научной электронной библиотеки «eLIBRARY.ru» по состоянию на 20 декабря 2017 года.

Таблица 1

Рейтинг индекса Хирша ректоров крупнейших вузов страны

№ п/п	Наименование образовательной организации	Фамилия, имя, отчество ректора	Количество публикаций в РИНЦ	Индекс Хирша
1.	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	Садовничий Виктор Антонович	517	25
2.	Московский физико-технический институт (государственный университет)	Кудрявцев Николай Николаевич	162	8
3.	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	Стриханов Михаил Николаевич	445	55
4.	Санкт-Петербургский государственный университет	Кропачев Николай Михайлович	85	14
5.	Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ	Торкунов Анатолий Васильевич	125	17
6.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	Кузьминов Ярослав Иванович	144	28
7.	Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана	Александров Анатолий Александрович	147	14
8.	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	Чубик Петр Савельевич	102	10
9.	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	Федорук Михаил Петрович	256	20
10.	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	Рудской Андрей Иванович	231	20
Среднее значение			221,4	21

Таким образом, несмотря на то, что сегодня ведущие отечественные образовательные организации возглавляют авторитетные ученые, широко известные как в нашей стране, так и за рубежом, лишь ректор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» М.Н. Стриханов сумел в этом неофициальном, смоделированном нами соревновании, обойти доцента кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Ставропольского университета МВД России Л.И. Тимошенко. Смешно? Честно говоря, не очень. Давайте же разберемся, в чем тут дело.

Даже беглого взгляда на статистические выкладки показателей публикационной активности Л.И. Тимошенко достаточно, чтобы понять – наукой здесь и не пахнет. Апофеозом наукометрической вакханалии, устроенной сотрудниками Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, явилось массовое цитирование трехстраничной статьи «Активные методы обучения в высшей школе», одним из четырех (!) авторов которой является Л.И. Тимошенко. Статья была опубликована в журнале «Вестник АПК Ставрополя» в конце 2013 года [9, с. 11-13] и за минувшее с тех пор непродолжительное время «процитирована» 150 (!) раз. Слово «процитирована» не случайно заключено в кавычки, поскольку прямых ссылок на данную статью, как правило, нет. В большинстве случаев она лишь упомянута в библиографических списках, что, впрочем, неудивительно, если учесть названия (а, следовательно, и специфику) работ, ссылающихся на статью «Активные методы обучения в высшей школе». Приведем всего несколько примеров: 1) Бегларян С.В. «Человеческий фактор как причина травматизма в растениеводстве»; 2) Головинов С.В. «Проблемы охраны труда в зерноводстве»; 3) Савельева Е.В. «Системы заземления электроустановок» и т.п.

Не стоит думать, что доцент Л.И. Тимошенко одинок в стремлении мошенническим образом повысить свои наукометрические показатели. В 2016 году в издательстве «Ветеран» (г. Москва) вышел в свет сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки: от теории к практике» [10]. В числе работ, опубликованных в сборнике, есть и статья под названием «Перспективы модульного обучения в системе физкультурно-педагогического образования» (авторы – Кудря А.Д., Простяков А.А., Гладких Д.Г., Анисимов Б.С.), процитированная на сегодняшний день 61 раз. Что же за инновационная научная мысль раскрыта авторами данной статьи, позволившая последней быть столь цитируемой? Открываем сборник на 335 странице и знакомимся с содержанием «научной работы».

С позволения сказать статья состоит всего из трёх абзацев. В тексте отсутствуют прямые ссылки на какие-либо работы, однако, в списке литературы наличествует 24 (!) источника. По общему объему список литературы превышает текст «статьи» примерно в три раза. Думаю, не надо объяснять, что 61 «научная работа», процитировавшая данную, представляет собой аналогичный фарс.

Возникает резонный вопрос – при чем здесь наука?

2. Плагиат и автоплагиат как основа цитируемости авторов.

О фактах плагиата, то есть незаконного использования или распоряжения результатами чужой научной деятельности в образовательных учреждениях МВД России уже писалось [11]. Справедливости ради следует отметить, что за последнее время число случаев явного, ничем не прикрытого доведения до других лиц ложных сведений о себе как о действительном авторе исследования заметно сократилось. В первую очередь, это связано с широким проведением, как самими учеными, так и представителями гражданского общества, общественных экспертиз различных научных работ на предмет наличия в них плагиата, а также с открытым обнародованием результатов таких экспертиз. Однако положение дел с массовым автоплагиатом (самоплагиатом) по-прежнему остается неважным, если не сказать критическим.

Любой истинный ученый понимает, что главное требование, предъявляемое к научной работе, - это ее научная новизна. Репродукция и тиражирование одних и тех же

слов, мыслей и идей в разных работах автора лишает их признаков собственно научного труда, так как в этом случае утрачивается научная новизна исследования [12, с. 8].

Само по себе самоцитирование нельзя назвать грехом. Нередко исследователь, ученый просто вынужден обращаться к своим же изданным ранее научным изысканиям. Новая работа может являться продолжением предыдущих, а, следовательно, не сослаться на них автору просто невозможно. Однако часто автор подвергает переработке лишь незначительную часть своего произведения, просто перемещает механически один и тот же фрагмент текста из одной своей публикации в другую. В этом случае принято говорить об автоплагиате. Г.З. Ефимова называет подобное негативное явление самоплагиатом [13, с. 24]. Самоплагиат по своей природе чужд всякой научной деятельности и преследует лишь одну цель – накручивание индекса цитирования.

Автоплагиат как способ повышения индекса цитируемости широко распространен в образовательных учреждениях МВД. Причем, грешат этим неблаговидным делом не только рядовые сотрудники. Приведу один характерный пример. В апреле 2016 года заместитель начальника Воронежского института МВД России С.А. Винокуров опубликовал в сборнике научных трудов МНПК «Современные инновации в науке и технике» статью «Стабилизация управления электромеханической системой с бесконтактным двигателем постоянного тока» [14, с. 60-62], которая представляет собой «ремейк» статьи «Формирование стабилизированного управления бесконтактным двигателем постоянного тока», вышедшей под тем же авторством восемью годами раньше [15, с. 35-37].

В целом же показатели самоцитирования у С.А. Винокурова непостижимо высоки - из 173 имеющихся у автора цитирований - 142 - это самоцитирования (89,9%). Причем, как уже было сказано, в большинстве своем это даже не цитаты, а просто упоминания ранее опубликованных работ.

Разве это имеет какое-то отношение к науке? Весьма сомнительно.

3. Цитирование соавторами или «ну как не порадеть родному человечку».

Бессмертная фраза А.С. Грибоедова, вложенная гениальным автором в уста Фамусова, к сожалению, актуальна и сегодня. А применительно к раскручиванию индекса цитирования – актуальна вдвойне. Поскольку цитирование соавторами в научном сообществе не находит осуждения и вносит определенную лепту в рост индекса Хирша, подобная практика в вузах МВД стала вполне привычным делом. Под этим углом проанализируем статистические показатели научной деятельности профессорско-преподавательского состава двух крупнейших вузов системы МВД – Московского и Краснодарского университетов (с имеющимися у них филиалами). Взглянем на результаты лишь тех сотрудников упомянутых организаций, индекс Хирша которых согласно данным РИНЦ равен либо превышает 10, а процент цитирования соавторами от общего числа цитирований – более 80 (см. таблицу 2).

Таким образом, в Московском университете из авторов с индексом Хирша «10+» каждый десятый достиг высоких показателей благодаря цитированию своих произведений соавторами, а в Краснодарском университете – каждый четвертый. При этом зачастую приверженцы «соавторского цитирования не гнушаются и самоцитированием. В результате высокий индекс Хирша на поверку оказывается абсолютно дутым. Например, у преподавателя кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России Е.Н. Шарова все 256 указанных на сайте электронной библиотеки «eLIBRARY.ru» цитаты сделаны либо самим автором, либо его соавторами и коллегами по образовательной организации. Иначе, как мошенничеством это и не назовешь!

Таблица 2

Рейтинг индекса Хирша двух крупнейших вузов системы МВД

№ п/п	Фамилия, инициалы автора	Индекс Хирша	Цитирование соавторами (в %)
<i>Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя</i>			
1.	Неганов В.В.	10	87,4
2.	Стрелкова Н.В.	11	81,7
3.	Галанина Н.В.	12	86,6
4.	Шашурина Т.В.	12	84,8
5.	Фролова Т.Н.	13	85,1
6.	Богданов А.В.	15	84,8
7.	Булатецкий С.В.	18	81,1
8.	Хазов Е.Н.	34	81,0
<i>Краснодарский университет МВД России</i>			
1.	Кочеров Ю.Н.	11	90,9
2.	Шаров Е.Н.	11	97,7
3.	Гоннов Р.В.	12	88,1
4.	Анисимов Б.С.	14	93,6
5.	Малашенко М.С.	15	82,3
6.	Кудря А.Д.	28	85,3

4. В «карманных» изданиях публиковаться легче.

В связи с изложенным выше возникает вопрос: каким образом второсортные и не имеющие к науке никакого отношения публикации, преследующие единственную цель – повысить наукометрические показатели, - появляются в базе РИНЦ?

Существует два пути. Первый: публиковаться у коммерсантов от науки, готовых за умеренную плату (от 80-90 рублей за 1 страницу печатного текста) включить любую статью в никому не интересный и не востребованный читательской аудиторией сборник материалов «липовой» конференции (не случайно на молодежном, студенческом сленге такие сборники именуют «братскими могилами»). Второй: использовать ведомственные издания, внешний контроль за которыми если и существует, то весьма формальный.

В начале 2017 года из РИНЦ было исключено 344 журнала, которые, по словам генерального директора «Научной электронной библиотеки» «eLIBRARY.ru» Г.О. Еременко, являются «мусорными» [16]. Примечательно, что отдельные признаки, которые эксперты отметили у журналов, отнесенных к категории «мусорных», присутствуют и у некоторых изданий МВД, однако, ни один ведомственный журнал при этом не был понижен в своем статусе.

Подводя итоги, следует отметить, что настоящее исследование отнюдь не преследовало цель каким-то образом дискредитировать систему высшего образования Министерства внутренних дел РФ или представить профессорско-преподавательский

состав ведомственных вузов в качестве сообщества лжеученых. Известно, что среди служащих Министерства было и есть много действительно выдающихся ученых, вписавших свои имена в историю отечественной науки. Но то, что сегодня образовательные организации МВД России переживают серьезный кризис (в том числе и в научном своем сегменте), очевидно, пожалуй, каждому неангажированному исследователю.

По мнению автора, существуют две главные причины кризисных явлений в анализируемой области. Первая – закрытость образовательных учреждений Министерства от общегосударственных тенденций в науке и образовании, а также от реального, а не формального общественного контроля со стороны гражданского общества. Вторая – атавизмы «палочной системы», вынуждающей «ученых в погонах» заботиться в большей степени о своих наукометрических показателях, нежели о самой научной деятельности.

Настоящая статья – всего лишь попытка обозначить проблемные места, инициировать дискуссию, способную оптимизировать систему ведомственной науки. Хотелось бы верить, что эта пока ещё робкая попытка не увязнет в болоте самодостаточного чиновничьего равнодушия.

Список литературы

1. Постановление Президиума РАН от 12.10.2010 №201 «Об утверждении Положения о Комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций Российской академии наук и Методики оценки результативности деятельности научных организаций Российской академии наук» / [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 11.12.2017).
2. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Проблема манипулирования в системе РИНЦ // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. Том 14. №2. 2015. С. 166-178.
3. Жмудь В.А. Цели и результаты соревнований по импакт-факторам и h-индексу // Автоматика и программная инженерия. 2016. №4(18). С. 104-127.
4. Горохов В.Г. Проблема измерения продуктивности отдельных ученых и целых институтов // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. №44. С. 190-209.
5. Луценко Е.В. Хиршамания при оценке результатов научной деятельности, ее негативные последствия и попытка их преодоления с применением многокритериального подхода и теории информации / Е.В. Луценко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. - Краснодар: КубГАУ, 2015. №04(108). С. 1-29. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/04/pdf/01.pdf> (дата обращения: 22.12.2017).
6. Ефимова Г.З., Кичерова М.Н. Анализ причин академического мошенничества и их классификация // Интернет-журнал Науковедение. 2012. №4(13). С. 116.
7. Долгих И.П. Об академической недобросовестности в образовательных организациях МВД России // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 1. №53. С. 297-305.
8. Рейтинг лучших вузов России-2017. Сайт рейтингового агентства «Эксперт РА» / [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: https://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2017/ (дата обращения: 22.12.2017).
9. Кудрявцев Р.А., Земцев А.М., Тимошенко Л.И., Земляной А.И. Активные методы обучения в высшей школе // Вестник АПК Ставрополя. 2013. №4(12). С. 11-13.
10. Актуальные проблемы науки: от теории к практике: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. П. Кожаева, О. Ю. Зевеке. – Москва: Ветеран, 2016. – 376 с.

11. Долгих И.П. О некоторых проблемах, возникающих в деятельности образовательных организаций высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 1. № 49. С. 456-467.

12. Иванов А.В. О самоцитировании // Медицинская экспертиза и право. 2016. №3. С. 8-9.

13. Ефимова Г.З. Анализ основных стратегий борьбы с проявлениями недобросовестности в науке и образовании // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). 2013. №2(22). С. 24.

14. Винокуров С.А. Стабилизация управления электромеханической системой с бесконтактным двигателем постоянного тока // Современные инновации в науке и технике: сборник научных трудов 6-ой Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Горохов А.А. 2016. С. 60-62.

15. Винокуров С.А. Формирование стабилизированного управления бесконтактным двигателем постоянного тока // Электротехнические комплексы и системы управления. 2008. №4. С. 35-37.

16. Котляр П. 300 «мусорным» журналам указали на место // Газета.ru. 19.04.2017 / [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/04/19_a_10634891.shtml?updated (дата обращения: 22.12.2017).

Информация об авторе:

Супонина Елена Александровна,
Кандидат юридических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой
институт, г. Воронеж, Россия

Information about author:

Suponina Elena Alexandrovna,
Candidate of legal Sciences, associate Professor,
Voronezh Institute of Economics and law, Voro-
nezh, Russia

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

УДК 811.161.1

М.А. Атакулова, Д.Т. Айылчиева

СЕМАНТИКА НЕСУБСТАНТИВНЫХ НЕГАТИВНЫХ ПРОНОМИНАТИВОВ С ПОЗИЦИИ «Я»

*Ошский технологический университет
Джалалабадский государственный университет*

Аннотация: В статье кратко охарактеризованы особенности несубстантивных вопросительных прономинативов.

Ключевые слова: несубстантивные прономинативы, тюркские языки, производитель речи, локативные прономинативы.

М.А. Atakulova, D.T. Aylchieva

SEMANTICS OF NON-SUBSTANTIVE NEGATIVE PRONOMINATIONS FROM THE POSITION OF «I»

*Osh technological university,
Jalalabad state university*

Abstract: The article briefly describes the features of non-substantive interrogative pronominations.

Key words: non-substantive pronominations, Turkic languages, producer of the speech, locative pronominations

К несубстантивным вопросам мы относим локативные (пространственно-временные), адъективные (качественно-количественные) и глагольные местоимения, которые группируются вокруг трех основных корней: 1) *кан-*; 2) *кай-*; и 3) *не-*. Из этих прономинативных корней последние две употребляются самостоятельно, а первое является связанным, вне местоименных лексем не употребляющимся. Корень *кан-* способен функционировать только в составе слова. Ср., например, примеры из киргизского языка:

- 1) *кана?* «где?», *кандай?* «как? какой?», *канча?* «сколько?», *кантесиң?* «Как теперь ты поступишь? Как ты ведешь себя?...», *кантип?* «как? каким образом?»;
- 2) *каймезгил?* «какое время?», *кайсы?* «какой? который?», *кайда?* «где? куда?»;
- 3) *не заман?* «какое время?», *нече?* *эче?* «сколько?» и т. д.

Несубстантивные прономинативы в тюркских языках представлены следующими лексемами:

1) со значением «какой?»

а) *кандай?* в казахском, каракалпакском, киргизском, узбекском (наряду с *канака?*) языках;

кандаг? в уйгурском языке;

кандыг? в тувинском языке;

кайдаг? в хакасском языке;

кайдыг? в шорском языке;

кайдай? в ногайском языке;

кайсы? в кумыкском языке;

кандый? в алтайском языке;

ханлык? в якутском языке;

hanqi? в турецком языке;

б) *нечэ? нэ чүр?* в азербайджанском языке;

нечик? кайсы? в кумыкском языке;

ниндэй? в башкирском языке;

нинди? в татарском языке;

нэхили? в туркменском языке;

в) *ммнле?* в чувашском языке.

Как видим, вопросительные атрибутивные прономинативы группируются вокруг четырех корней : *кан-*, *кай-*, *не/нэ/ни-* и *мен-* и совмещают значения «какой?» и «как?» [4, с. 214].

2) со значением «который?»:

кайсы? в казахском, каракалпакском, киргизском, узбекском, кумыкском, ногайском, татарском, уйгурском языках;

кай? кайсы? в казахском, каракалпакском, киргизском, татарском языках;

кай? кайһы? в башкирском языке;

кай? кажы? в алтайском языке;

кайзы? в шорском языке;

хайзы? в хакасском языке;

кайсы? в тувинском языке;

кайһы? кай? в башкирском языке;

кажы? кай? в алтайском языке;

хансы? в азербайджанском языке;

hanqi? в турецком языке;

ханлык? в якутском языке;

хгшм? в чувашском языке.

3) со значением «как?» (адвербиальное значение):

а) *кандай?* в казахском, каракалпакском, киргизском, узбекском языках;

кандаг? в уйгурском языке;

кандыг? в тувинском языке;

калай? в башкирском, казахском, ногайском и каракалпакском языках;

кайде? кайды? кайди? в шорском языке;

хайди? в хакасском языке;

хайдах? в якутском языке;

канайып? канайдып? в алтайском языке (глагольный вопрос типа киргизского *кантип* «как?»);

hani? hasil? в турецком языке;

б) *нечэ? нэ чүр?* в азербайджанском языке;

нечик? в кумыкском языке;

ничек? в татарском языке;

ничик? ненең? в туркменском языке;

нисек? калай? в башкирском языке;

hasil? hani? в турецком языке;

в) *йепле? ммлле?* в чувашском языке.

4) со значением «сколько?» (квантитативно-атрибутивное значение):

а) *канча?* в алтайском, киргизском, узбекском, уйгурском, шорском языках;

канче? канча? канчы? в шорском языке;

каниша? в казахском и каракалпакском языках;

ханча? в хакасском языке;

каш? чеже? в тувинском языке;

кас? ne-kadar? nice? в турецком языке;

хас? в якутском языке;

б) *неча? нә гәдәр?* в азербайджанском языке;

ничә? ни чаклы? в татарском языке;

неча? канча? в узбекском языке;

нече? канча? в киргизском языке;

нече? не кадар? в кумыкском языке;

неше? каниша? в казахском, каракалпакском языках;

нисә? ни саклы? в башкирском языке;

неше? в ногайском языке;

нәче? в туркменском языке;

нәччә? канче? в уйгурском языке;

нинче? ханча? в хакасском языке;

nice? kas? ne-kadar? в турецком языке;

в) *мизе? ммнчухлм?* в чувашском языке.

Как видим, адвербиальное и атрибутивное значения в вопросительных прономинативах выражаются недифференцированно, конденсированно. Например, киргизское *кандай* в зависимости от позиции в словосочетании может выполнять как атрибутивную (*Ал кандай адам? - Какой он человек?*), так и адвербиальную (*Кандай жетипалдың? - Как ты доехал?*) и предикативную (*Иши кандай? - Как дела? Каковы дела?*) функции. Адвербиальную функцию может выполнять и глагольный вопрос в различных формах своего употребления: *Сен канттиң? - Как ты вышел из ситуации? Кантет аның? - Как он поступает? Правильно ли он действует?* [4, с. 215].

Атрибутивную и адвербиальную функции выполняет один и тот же прономинатив в разных языках. Значения «какой?» и «как?» выражают *кандай?* в киргизском, казахском, каракалпакском языках, *кандаг?* в уйгурском языке, *кандыг?* в тувинском языке, *неча?* в азербайджанском языке, *нечик?* в кумыкском языке, хотя известно, что в казахском и каракалпакском языках значение «как?» закреплено за вопросом *калай?*, в тувинском языке – за вопросом *канчан?* [1, с. 237].

Из примеров видно, что один и тот же вопросительный прономинатив может выражать значения «какой?» и «который?». Таково функционирование местоимения *аннык?* в якутском языке, местоимения *кайсы?* в киргизском, кумыкском и других языках, *hanqi?* в турецком языке.

Морфологическая структура вопросительных прономинативов с локальными, атрибутивными и квантитивными значениями прозрачна. Среди них только два прономинатива являются непроизводными. Это слово *кай*, встречающееся в алтайском, башкирском, казахском и киргизском языках, и якутский прономинатив *хас?* «сколько?». А все остальные представляют собой производные слова. Ясно вырисовываются следующие способы образования вопросительных местоимений:

1. К связанной основе *кан-* присоединяется сравнительный аффикс *-даг:* *-дай/-*

даг/-дэг/-дый: кандай, кандый, кандаг.

2. К той же основе присоединяется уравнительный аффикс *-ча/-че/-ша/-ше: канча, ханча.*

3. Основа *кай-*, употребляемый автономно как самостоятельная лексема, открывает позицию для аффикса 3-го лица лично-посессивного словоизменения: *кайсы? кайзы? хайзы? кайһы?*

4. В результате сочетания основы *һан-* с аффиксом *-qi* образовано турецкое местоимение *һанqi*.

5. Сочетание основы *хан-* с аффиксом *-нындало* якутское местоимение ханы *к* «какой? который?», а сочетание основы *кай-* с аффиксом *-дай* - ногайский прономинатив *кайдай?* «какой?».

6. В ряде производных вопросительных прономинативов мы встречаем основу *не-*. Ее сочетание с предельным аффиксом послужило причиной появления производных местоимений *нечә?* «какой? как? сколько?» в азербайджанском языке, *неше?* «сколько?» в казахском, ногайском и в каракалпакском языках, *нече? эче?* «сколько?» в киргизском языке, *ничә* «сколько?» в татарском языке, *нәче?* «сколько?» в туркменском языке, *неча?* в узбекском, *нәчә?* в уйгурском и других языках.

Та же основа имеет место в туркменском *наһили* «какой?», башкирском *ниндәй*, татарском *нинди*, кумыкском *нечик* и т.п., в азербайджанском словосочетании *нә чур*, где *чур* «род, сорт, разновидность» позаимствовано из персидского языка.

7. Киргизское *кана?* «где?» и узбекское *канака?* «какой?» восходят к корню *кан-*, являются производными образованиями, имеющими уникальные словообразовательные форманты.

С учетом отдельного употребления корня *кай* в ряде языков, по аналогии можно допустить, что в древнем языке, вероятно, существовал корень *кан*, который сохранился только в составе производных слов в сочетании с аффиксальными морфемами (*кандай? канча?* и т.д.). Однако можно предположить о вероятной производности корней *кан-* и *кай-*, принимая во внимание наличие вопросительного слова *качан?* «когда?» (ср. также чувашское *хгшм?* «который?», тувинское *каш?* «сколько?», якутское *кас?* «сколько?», алтайское *кажы?* «который?»). Для подтверждения данного предположения не существует достаточных оснований. Татарский и кумыкский примеры (*кайчан?* «когда?») позволяют возвести *ка-* к корню *кай-*, откуда, вероятно, выпал звук *й*. Это мнение А.М. Щербака заслуживает внимания и дальнейшего изучения [2, с. 133], но в полной мере не объясняет *ка* в составе якутского *кас*, тувинского *каш* и т.д.

Определенный интерес представляют не только атрибутивно-определительные и количественно-определительные вопросительные прономинативы, но и локативные. В локативных прономинативах тоже позиция производителя речи выражается эгоцентрически. В них четко проявляются неопределенность и неизвестность пространственно-временных параметров мировидения и миропонимания отправителя речевых сообщений [4, с. 217].

Пространственно-временные вопросительные ориентиры производителя речи передаются в координатах «когда?», «где?», «куда?», «откуда?», определяясь в планах темпоральности, локализованности, направленности и исходности предидируемого действия.

Стремление выяснить время совершения действия предполагает использования следующих вопросительных прономинативов:

качан? в алтайском, киргизском, татарском, уйгурском, шорском языках;

кашан? в казахском, каракалпакском, ногайском языках;

качон ? кай вахт? в узбекском языке;

һачан? в азербайджанском языке;

хачан? в туркменском, чувашском и хакасском языках;

касан? в башкирском языке;
кайчан? качан? кайзаман? кайвакыт? кайчак? в татарском языке;
кайчан? не вахты? в кумыкском языке;
хгччан? хачан? в чувашском языке;
кажан? в тувинском языке;
q'аз? q'аль? в сары-югурском языке;
хаһанв якутском языке;
нэ вахт? нэзаман? һачан? в азербайджанском языке;
не вахты? кайчан? в кумыкском языке;
nevakit? nezaman? в турецком языке;
нэвагт? в туркменском языке;
кай вахт? качон? в узбекском языке.

Как видим, в турецком и туркменском языках корень *ка-* не находит своего отражения. В них употребляется общетюркское вопросительное местоимение *не? нэ?* Смысл вопроса заключается именно в этом компоненте словосочетания. Темпоральность содержится в существительных, заимствованных из арабского языка. Вопросительная интонация и значение времени представлены в этих примерах раздельно. В азербайджанском языке есть общетюркское вопросительное *һачан* «когда?», которое употребляется наряду с аналитическими формами вопроса: *нэ вахт?* и *нэзаман?* [4, с. 218].

В кумыкском языке параллельно используются *кайчан?* и *не вахты?*, в татарском – *качан? кайчан? кайвакыт?*, в узбекском *качан? кай вахт?* и т.д. Остальные языки имеют достаточно единообразные темпоральные вопросы, реализуемые в различных фонетических вариациях.

Что касается строения этих вопросительных местоимений, то определенный интерес представляет мнение Ф.Г. Исхакова, который пишет: «...Во всех тюркских языках имеются и особые местоимения, означающие «когда». Эти местоимения являются различными фонетическими вариантами одного и того же производного слова, почти не разложимыми в современном языке. Сравнительный анализ морфологической структуры этих местоимений дает основание предположить, что они исторически образованы от корня *кай* и старинного (енисейско-орхонского) творительного падежа слова *чак* (*чаг+ын*), в сочетании означавших первоначально «в какую пору?». Таким образом, схема последовательности исторических этапов фонетического развития этого слова представляется нам в следующем виде: 1) *кайчагын>кайчаын*; 2) *кайчаын>кайчаан>кайчвн*; 3) *кай-чвн>кайчан*; 4) *кайчан>качан*» [1, с. 243]. Такое представление происхождения тюркских *качан* и *кайчан*, если его принять, может объяснить состав и звуковой облик киргизского местоименного наречия *качан* «когда?» и связать с этой гипотезой происхождение уравнительного аффикса *-ча/-че/-чо/-чө* и установить его этимологическую связь с послелогом *чейин* «до». А ведь в некоторых говорах данный аффикс выступает в качестве синонима этого послелога, образуя своеобразный плеоназм: Качангача *ага жалдырайсың?* = Качангачейинага *жалдырайсың?* – До каких пор будешь перед ним унижаться? Эртегече *акчаберип тур.* – Эртегечейин *акчаберип тур.* – Займи-каденьгидо завтра. Подобное явление встречается и в узбекском языке: *Пайшамбигача шошма.* – Не торопись до четверга и т.д.

Желание говорящего выяснить местонахождение предмета или место совершения действия выражается, прежде всего, вопросительно-местоименными словоформами в местном падеже. Форму местного падежа принимают корневые морфемы 1) *кай-* *хай-* 2) *хан-*:

кайда? в алтайском, казахском, каракалпакском, ногайском, татарском, тувинском, узбекском, шорском языках;

хайда? в хакасском языке;
кайза? в башкирском языке;
ханда? ниреде? в туркменском языке;
ханна? в якутском языке.

По сравнению с этими словоформами более архаичными представляются вопросительные прономинативы, образованные от корня *ка-* с помощью аффикса винительного падежа и ставшие окаменелыми наречными формантами:

каны? «где?» в енисейско-орхонских памятниках;
кани? в узбекском языке;
ханы? в туркменском языке;
ханы? в азербайджанском языке;
hani? heni? kani? в турецком языке;
кана? в киргизском языке.

Сюда же, вероятно, примыкает татарское *кая*. Все эти локативные вопросы имеют широкую сферу применения и разнообразную коннотацию, выражая не только значения «где», «где же», но и «ну-ка», «позволь», «давайте».

Некоторые прономинативы в своем составе имеют корни субстантивных лексем:
hарада? «где?» в азербайджанском языке;
nerede? «где?» в турецком языке;
ниреде? «где?» в туркменском языке;
каерда? «где?» в узбекском языке;
ңайарда? «где?» в уйгурском языке и т.д.

В этих примерах, по-видимому, есть корни имен существительных. Азербайджанское *hарада?* состоит из трех компонентов: *ha/хай* (вопросительный прономинатив) + существительное *ара* «промежуток» + аффикс местного падежа. Аналогично построены турецкий и туркменский прономинативы: *ни/не* (вопросительный прономинатив) + существительное *ара* «промежуток» + аффикс местного падежа. Следовательно: *не+ара-да>ниреде* (турецкий вопрос) и *ни + ара +да>ниреде* (туркменский локативный вопрос). Узбекский вопрос *каерда?* тоже трехчленный: *кай+ер* «земля» + *да*. Аналогичное строение имеет киргизское слово *каерде*, которое конкурирует в своем употреблении со словосочетанием *кайжерде*. Мы здесь сталкиваемся с явлением «борьбы» старого элемента с вновь появившимся элементом. В последнем примере из киргизского языка *кай* и *жер* автономны и образуют словосочетание наречного типа. А в случае *каерде* мы видим сращение определения с определяемым, когда словосочетание преобразуется, редуцируется и переходит в одно слово.

Другим ракурсом пространственной ориентации вопрошающего является исходный пункт действия. Материально способы выражения значения «откуда» тесно связаны со способами выражения значения «где». Только к аффиксу местного падежа прибавляется формант *-н/-ң*:

- 1) *кайда?* «где?» → *кайдан?* «откуда?» в казахском, каракалпакском, кумыкском, ногайском, татарском, тувинском, узбекском, шорском языках;
- 2) *кайда?* «где?» → *кайдаң?* «откуда?» в алтайском языке;
- 3) *хайда?* «где?» → *хайдан?* «откуда?» в хакасском языке;
- 4) *кайза?* «где?» → *кайзан?* «откуда?» в башкирском языке;
- 5) *ниреде?* «где?» → *ниреден?* «откуда?» в туркменском языке;
- 6) *ханна?* «где?» → *ханнан?* «откуда?» в якутском языке;
- 7) *nerede?* «где?» → *nereden?* «откуда?» в турецком языке;
- 8) *hарада?* «где?» → *naradan?* «откуда?» в азербайджанском языке;
- 9) *каерда?* «где?» → *каердан?* «откуда?» в узбекском языке;
- 10) *гста?* «где?» → *гстан?* «откуда?» в чувашском языке;

11) *кая?* «где?» → *каян?* «откуда?» в татарском языке и т.д.

Эти примеры свидетельствуют о том, что местный и исходный падежи тесно взаимосвязаны. Аффикс исходного падежа включает в себя форму местного падежа и свою собственную форму, является производным по отношению к форме местного падежа. В семантике исходного падежа содержится значение места, указывающее начальный пункт или стартовую точку действия. Следовательно, учитывая конструктивно-материальную и семантическую общность форм местного и исходного падежей, мы можем говорить о базовом характере первого по отношению ко второму, о производности исходного падежа относительно местного [4, с. 220].

В примере (N иттикерсөтө) *Муңуңкайданчыгакалды? Кайда эле?* - (N, показывая на собаку) *Откуда она появилась? Где она была?* это соотношение заметно прозрачно. Собака где-то лежала. Она откуда-то, т. е. именно оттуда, где лежала, притаившись, прибежала. Адвербиальные пространственные прономинативы в данном примере выражают позицию, точку и угол зрения говорящего, его незнание местонахождения животного, являющегося предметом речи, но не точку и угол зрения собеседника, которому известно, где находилось это животное, и откуда оно прибежала.

Данный пример хорошо демонстрирует правомерность и обоснованность утверждения о деривационных отношениях между местным и исходными падежами, проявляющихся в том, что:

1) признак исходного падежа по объему больше, чем признак местного падежа, на одну единицу; его дифференциальным признаком выступает конечный элемент *-н*, которого нет в форме местного падежа: *кай-да* – *кай-да-н*;

2) местонахождение животного становится стартовой точкой его действия; значение местного падежа как бы входит в сферу семантики исходного падежа.

Следует отметить, что формальное соответствие между прономинативами со значениями «где?» и «откуда?» не обнаруживается только в тувинском языке, в котором семантику «где?» имеет прономинатив *кайда?*, а семантику «откуда?» - слова *кайыын?* и *кайыртан?* вместо ожидаемого *кайдан?* [3, с. 393]. Это отклонение от общей системы трудно объяснить.

В тюркских языках значения «где?» и «куда?» часто передаются одними и теми же словоформами. Для сравнения приведем отдельные примеры:

1) *кайда?* «где?» и «куда?» в казахском, каракалпакском, киргизском, ногайском, татарском языках;

2) *кайза?* «где?» и «куда?» в башкирском языке;

3) *гста?* «где?» и «куда?» в чувашском языке;

4) *ханна?* «где?» и «куда?» в якутском языке.

Ясно, что одна и та же словоформа выражает и местонахождение предмета и место, куда направляется действие. Значения направленности и локализованности в тюркских языках дифференцируются в семантике предидирующего слова. Ср., например: 1) *Кайдажүрөсүң?* – Где ты пропадаешь?; 2) *Кайдабаратасың?* – Куда идешь? В словоформах значения локализованности и направленности нейтрализованы и материально не выражены. Они принимают эти значения только в сочетании с глаголом. Именно глагол во взаимодействии с локативным вопросительным прономинативом выступает в качестве носителя семантики местонахождения и направления.

Значения локализованности и направленности действия отдельно выражаются в некоторых языках:

1) *кайда?* «где?» и *кайдаар?* «куда?» в алтайском языке;

2) *хайда?* «где?» и *хайдар?* «куда?» в хакасском языке;

3) *кайда?* «где?» и *кайа? кайда?* «куда?» в татарском языке;

4) *кайде?* «где?» и *кайа? кайга?* «куда?» в шорском языке;

5) *nerede?* «где?» и *nereye?* «куда?» в турецком языке;

- 6) *hарада?* «где?» и *hара? hарая?* «куда?» в азербайджанском языке;
 7) *ниреде?* «где?» и *нирә? нирәк?* «куда?» в туркменском языке;
 8) *кайда?* «где?» и *не ерге?* «куда?» в кумыкском языке;
 9) *кайда?* «где?» и *кайнаар? каяя? кайыже?* «куда?» в тувинском языке;
 10) *кайда? каерда?* «где?» и *каерга? каёкка? кайга?* «куда?» в узбекском языке;
 11) *кэйәрдә?* «где?» и *кэйәргә?* «куда?» в уйгурском языке;
 12) *кайда? каерде? кайжерде? кай жакта?* «где?» и *кайда? каерге? кайжерге? кайжакка? каякка?* «куда?» в киргизском языке и т.д.

В алтайском и хакасском языках признаком направленности выступают элементы *-ар* и *-р*, что выявляется путем сравнения показателей местного и направленного значений. В некоторых языках есть специальные слова для выражения «направленного» вопроса. Это *кая* в татарском языке, *каая* в тувинском и шорском языках.

В языках огузской группы значения локализованности и направленности вопроса выражаются с участием существительного *ара* «промежуток», слившегося с вопросительным *не/ни* «что?». В других языках значения «где?» и «куда?» передаются с участием существительных *йер/жер, як/жак*. Ср., например:

1) *hарая? hара?* «куда?» в азербайджанском языке; *пereye?* в турецком языке, *нирә?* в туркменском языке;

2) *не ерге?* «куда?» в кумыкском языке, *каерга? каёкка?* в узбекском языке, *кэйәргә?* в уйгурском языке, *каерге? кайжерге? кайсыжерге? каяка? каякка? кайжакка? кайсыжакка?* в киргизском языке и т. д. В этих примерах вопрос направленности, включая в себя имена существительные *йер/жер* «земля, место», *як/ёк/жак* «сторона», приобретает широкую смысловыражающую функцию. При этом семантика субстантивных лексем растворяется в значении вопроса и теряет вещественность, т. е. предметное содержание.

Нам, конечно, более известны киргизские примеры. В этом языке значения «где?» и «куда?» выражаются по-разному:

1) смысл «где?» содержится в словоформах *кайда? каякта? кай жакта? кайсы жакта? каерде? кайжерде? кайсыжерде?*;

2) смысл «куда?» представлен в словоформах *кайда? каяка? каякка? кайжакка? кайсыжакка? каерге? кайжерге? кайсыжерге?*

Не следует думать, что эти словоформы и их сочетания абсолютно идентичны. Они тождественны в общем. Им свойственны инвариантные значения «где?» и «куда?». Они участвуют в передаче желания и стремления производителя речи выяснить, узнать и установить местонахождение и ориентиры направления субъекта действия. Эти единицы имеют не только общее значение, но и частные, варьируемые смысловые оттенки [4, с. 223].

Слово *кайда?* обладает обобщительным содержанием, включая в себя смыслы «где?» и «куда?» и отождествляя их как целое. Значения «где?» и «куда?» в нем растворяются и не дифференцируются. Это слово как бы стоит над этими значениями. Другие словоформы и их сочетания специализированы. Но эта специализация выражена формально и заключена в падежных аффиксах. Слова и их сочетания *кайяк? кайжак? кайсыжак? каер? кайжер? кайсыжер?* нейтральны относительно значений «где?» и «куда?». Именно падежные аффиксы в сочетании с этими нейтральными лексемами обособляют и разграничивают значения «где?» и «куда?». Аффикс местного падежа, представленный в алломорфах *-та* и *-де*, выступает в качестве носителя значения «где?», а аффикс направленного падежа, представленный в алломорфах *-ка*, *-ге*, *-* в качестве носителя значения «куда?», что можно продемонстрировать схематически:

та «где?»

1) *кайяк? кайжак? кайсыжак?*<

ка «куда?»
 де «где?»
 2) *каер?* *кайжер?* *кайсыжер?* <
ге «куда?»

В этих примерах фонетический облик корневого существительного, характер и строение вопросительного атрибута, связь определяемого и определяющего, объемное содержание вопросов совершенно разные. Эти внешние различия обуславливают их семантические и функциональные различия. Их функциональные различия проявляются в сфере их употребления. Более экономичные *каякта/каерде*, *кайка/каерге* чаще встречаются в разговорной речи, а двучленные образования *кай жакта/кайжерде*, *кайсы жакта/кайсыжерде* – в литературном языке, в речи интеллигенции. Наличие определяющего и определяемого в последних двух парах вопросов предполагает особое рассмотрение их в составе предложения в связи с теориями словосочетания и членов предложения. Сочетания *кайсыжак?* и *кайсыжер?* имеют в своем составе аффикс принадлежности 3 лица и находятся в синонимических отношениях с сочетаниями без этого аффикса. Аффикс *-сы* в этом случае выступает как факультативная единица, но, принимая ударение, служит в целях выделения и подчеркивания значений локализованности и направленности.

В словах *каер* и *кайка* сохранен старый звуковой облик слов *жер* (<*йер*) и *жак* (<*як*). Они образованы в результате слияния этих существительных с вопросом-атрибутом *кай* (*кай+йер*, *кай+як*) и упрощения путем выпадения одного из двух интервокальных *й*: *кай+йер=каер* (*кайэр*), *кай+як=кайка* (*кайак*). В говорах и в определенных ситуациях речи удвоенный *й* восстанавливается: *Каййактажүрөсүң, жүвэрмэк!* – Гд-де *пропадаешь ты,дохлый!*

Такое же упрощение произошло в случае *кайка?/кайка?* «куда?». Удвоенный *к* превратился в одиночный *к* в варианте *кайка?*, используемой в разговорной речи. В связи с этим мы возражаем против мнения Ф.Г. Исхакова, который считает, что киргизское *кайка?* «куда?» произошло из *каяа+га*, состоящего из *каяа* и аффикса направительного падежа. Отмечая наличие в татарском языке местоимения *кая* (*кай+а*) «куда?», он пишет: «Подобные слова, употребляемые в том же значении, имеются в тувинском и шорском языках, но почему-то с долгим гласным в конце (*каяа*)». В шорском параллельно с *каяа* бытует и еще слово *каяга*, а в киргизском *кайка?* (в том же значении). Вполне объяснимо, что *кайка//каяга*, а *каяа<каяга*, но для нас остается открытым, почему в тувинском, шорском и киргизском вариантах этого слова основой является *кая-*, а не *кай-*, как в узбекском и татарском языках» [1, с. 245]. При этом он ссылается на примеры из узбекского (*кайга?* «куда?») и татарского (*кая?* «куда?»). Наше возражение основано на следующих соображениях.

Киргизское *кайка?* произошло не из *каяа +ка*, а из *кай+як+ка* в результате упрощения и превращения удвоенных *йй* и *кк* в одиночные *й* и *к*. Об этом свидетельствует сохранение глухого согласного между гласными, который является смыслоносителем корня и аффикса направительного падежа. Если бы к основе на гласный присоединился аффикс направительного падежа, то он бы обязательно реализовался в варианте со звонким согласным, т.е. в виде *каяга*. Раз этого не произошло, то возводить *кайка* к основе *каяа/кая* нельзя.

В хакасском языке в значении «куда?» употребляется прономинатив *хайдар?*, который образован от основы *хай*. Сочетание основы с аффиксом местного падежа дает слово *хайда?* «где?». От основы местного падежа образуются формы исходного падежа путем присоединения к ней

элемента *-н* и направительного падежа посредством сочетания с ней элемента *-р*.
 Ср., например:
н «откуда?»

*хай – да <
р «куда?»*

Ясно, что в этом языке значение местонахождения входит в состав семантики исходности и направительности. Ср. также: *андар* «туда», *мындар* «сюда». Этот *р*, по-видимому, присутствует в составе аффикса направительного падежа: *мин* «я» - *минзер* «по направлению ко мне», *пис* «мы» - *писсер* «к нам, в нашу сторону» [3].

Изложенный выше сравнительный материал позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. Локативные прономинативы в тюркских языках имеют инвариантные значения, сводимые к семантике слов «где», «куда» и «откуда».

2. Локативные вопросительные прономинативы, обычно называемые в грамматиках тюркских языках наречиями, являются, по сути, членами словоизменительной парадигмы и входят в систему склонения в качестве падежных форм местоименных основ.

3. Локативно-вопросительные образования в тюркских языках спрягаются. Их функции в языке преувеличены, поскольку используются для определения сущности неместоименных языковых единиц языка.

Список литературы

1. Исхаков Ф.Г. Местоимения// Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1956. – Ч.2. Морфология. – С. 208 – 262.
2. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
3. Языки народов СССР. Т.2. – М.: Наука, 1966. – 531 с.
4. Зулпукаров К.З., Атакулова М.А., Айылчиева Д.Т. и др. Инвентариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка. – Бишкек, 2016. – 728 с.
5. Беляева И.Г. Обучение иностранному языку в рамках интеркультурного подхода // В сборнике: Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик Материалы Первой международной конференции. Под общей редакцией Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. 2016. С. 39-40.
6. Алексеев М.Е., Алиханов С.З., Атаев Б.М., Магомедов М.А., Магомедов М.И., Мадиева Г.И., Саидова П.А., Самедов Д.С. Современный аварский язык. - Махачкала, 2014.
7. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. - Екатеринбург, 1998. – 241 с.
8. Атаев Б.М., Алексеев М.Е., Магомедов М.А., Магомедов М.И., Мадиева Г.И., Саидова П.А., Самедов Дж.С. Современный аварский язык. - Махачкала, 2012.
9. Безбородова М.А. Значение психомоторики в изучении иностранного языка // Наука и школа. 2013. № 5. С. 71-73.
10. Бидагаева Ц.Д. Моделирование прототипической репрезентации адвербиального смысла английского предложения: ментальный уровень // В сборнике: Язык и культура в эпоху глобализации Сборник научных трудов по материалам Первой международной научной конференции: в 2-х томах. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2013. С. 271-279.
11. Гуревич Т. М., Изотова Н. Н. Лингвокультурология. Модуль 5. М.: МГИМО-университет, 2013. 116 с.
12. Ермейчук Н.А. Роль изобразительно-выразительных средств в реконструкции языковой картины мира (на материале «Книги притчей Соломоновых») // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 04. С. 35.

13. Кардович И.К.О Когнитивном анализе текста // Вестник Московского института лингвистики. 2011. № 2. С. 30-35.
14. Колесникова О.Ю. «Успешный порок» в творчестве Джона Ванбру. - Магнитогорск, 2016. – 106 с.
15. Кохичко А.Н. Этимологический анализ как методический прием при обучении орфографии // Начальная школа. 1998. № 1. С. 55.
16. Кшеновская У.Л., Стародубцева А.В. Языковые лакуны в публицистическом тексте и способы их элиминирования в процессе перевода // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (32). С. 154-166.
17. Магомедов М.И. Некоторые способы образования аналитических форм глаголов в аварском языке // В книге: Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. 1990. С. 90-91.
18. Махмудова С.М., Хангереев М.Б.Д.Г., Алиева З.М., Базиева З.М., Гаджихмедов Т.И., Гасанова М.А., Гасанова У.У., Гусейнов Г.М., Джалилова А.Б., Ибрапилов П., Керимова К.Р., Кусегенова Ф.А., Магдилова Р.А., Мудунова Г.А., Сиражутдинов Р.М., Солтаханов И.Э., Сулейманова Г.П., Султанмурадова Н.Э. Краткий разговорник на языках народов Дагестана. - Махачкала, 2015. – 71 с.
19. Маякова Е.В. Деятельностная стратегия обучения дошкольников иностранному языку: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. - Москва, 2006. – 23 с.
20. Петривняя Е.К. Античная басня в мировой литературе и живописи // Русский язык за рубежом. 2015. № 2. С. 73-78.
21. Прохорова А.А. Просодическое оформление дискурсивных связей в устном монологическом тексте (теоретико-экспериментальное исследование) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Иваново, 2007. – 180 с.
22. Солтаханов И.Э. Становление и развитие общественно-политической лексики в нахских литературных языках // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Москва, 2009. – 160 с.

Информация об авторах:

Атакулова М.А.

доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры русского языка, Ошский
технологический университет,
Кыргызстан, г. Ош

Айылчиева Д.Т.

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка, Джалалабадский
государственный университет,
Кыргызстан, г. Джалалабад

Information about authors:

Atakulova M.A.

doctor of philology, docent, professor of Russian
department, Osh technological university,
Kyrgyzstan, Osh city

Aiylichieva D.T.

candidate of philology, docent of Russian department,
Jalalabad state university,
Kyrgyzstan, Jalalabad city

УДК 808.2

Ю.В. Панченко

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОЗВУЧЕННОЙ РЕЧИ

Сумской государственной университет

Аннотация: В данной статье рассмотрены основные характеристики озвученного вещания, изучены механизмы паузации, просодии, интонации, особенности их применения в озвученном вещании. Авторами проведен сравнительный анализ, сделаны выводы.

Ключевые слова: озвученное вещание, качество голова, просодия, интонация, пауза, фразы, тон, фонетика.

UDC 808.2

Yu.V. Panchenko

INVESTIGATION OF SPECIFIC CHARACTERISTICS OF RESPECTED SPEECH

Sumy State University

Abstract: This article describes the main characteristics of the announced broadcast, studied pauzatsii mechanisms, prosody, intonation, and particularly their use in the sound broadcasting. The authors conducted a comparative analysis, conclusions were drawn.

Key words: sounded broadcasting, quality head, prosody, intonation, pause, phrases, tone, phonetics.

Обращаясь к анализу озвученного речи, исследователи, прежде всего, обращают внимание на понятие *просодия* и *интонация*. В британской фонологической школе основные понятия просодии и интонации имеют следующие дефиниции:

Просодия (просодические характеристики) - это «термин, используемый в суперсегментной фонетике и фонологии относительно изменений таких параметров, как *высота тона, громкость, темп и ритм*». Более широкое понимание просодии содержит и *качество голоса*.

Интонация - это термин, используемый в суперсегментной фонологии при изучении лингвистически значимых изменений высоты тона, то есть *мелодики*. Другие определения: «использование изменений высоты тона для передачи значения», «изменения высоты основного тона во фразе, которая может соответствовать целому предложению».

Поскольку интонация как языковое явление является сложной и разносторонней, исследователи по-разному ее толкуют, и в своих определениях опираются на различные

ее стороны, то в научной литературе существует много определений интонации.

В определении интонации ранее существовало и существует по сей день два различных подхода. При комплексном понимании интонация - это пересечение (комбинация) гетерогенных просодических явлений - движения основного тона, темпа, типа стыка и т.д. При узком понимании интонация - это только мелодика, единицами которой являются только тонемы.

Жилавская И.В. определяет интонацию как супraseгментный компонент плана выражения языка, комплекс специфических звуковых (просодических) средств, обеспечивающих выполнение ряда функций: членения потока речи на линейные единицы различных уровней сложности и автономности, выражение степени законченности, самостоятельности и важности этих единиц, а также степени и типа связи между ними, оформление и парадигматическое противопоставление этих единиц как целых, выражение степени важности, новизны, информативности элементов линейных интонационных единиц [7].

Под интонацией мы понимаем совокупность звуковых средств вещания, куда относятся различные изменения голоса: а) по степени силы (динамика речи); б) по степени повышения или понижения голоса, то есть по высоте голоса (мелодика речи); в) по степени замедления или ускорения произношения (темп речи); г) по степени изменения звуковой окраски голоса (тембр речи).

Интонация передает сведения о том, что и зачем говорится. Более того, она информирует, говорят, как, в каком состоянии, где (в какой ситуации) и кому (какому собеседнику). И если на вопрос «что сообщается?» Отвечает, безусловно, лингвистика, проявляя иллокутивную семантику интонации, то вопрос «как говорит?» И особенно «кто говорит?» И «где?» Всегда находились за чертой лингвистических интересов.

Современные авторы [8; 15; 20 и др.] отмечают, что в речи интонация выполняет, как минимум, следующие функции:

1. Обеспечивает фонетическую цельноформленность высказывания или его части.
2. Служит для членения целого связного текста на части, имеющие признаки смысловой и фонетической цельноформленности.
3. Передает важнейшие коммуникативные значения - такие как рассказ, вопрос, побуждение и др.
4. Отмечает на определенные семантические отношения между единицами, образующими выражение и между выражениями.
5. Передает отношение говорящего к содержанию своего высказывания или высказывания собеседника.
6. Содержит информацию об эмоциональном состоянии говорящего.

Шнякина Н.Ю. определяет просодию как совокупность звуковых средств, которые накладываются на последовательность сегментных единиц (фонем) и служат для объединения их в значимые языковые единицы - слова, синтагмы, высказывания [17]. Использование в качестве просодических характеристик речи продолжительности, интенсивности и частоты основного тона звука являются одними из универсальных свойств человеческой речи. Универсальным можно считать и использование набора просодических характеристик для интонационно-смыслового членения речи, передачи коммуникативного значения высказывания, выражения эмоциональных смыслов.

Семухина Е.А. отмечает, что суперсегментность и звуковая специфика, присущие просодическим характеристикам речи, присущи в полной мере и средствам интонации [11]. Эти понятия не всегда четко разграничиваются: в определении просодии нередко звучит слово «интонационный» или «ритмико-интонационный». Характеризуя фонетический сторону интонации, называют в качестве важнейшей особенности использования ею просодических характеристик. Если понимать просодию как

«систему фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализуемых в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, надфразное единство, текст) и играют смыслообразующую роль»; термин «*просодия*» часто синонимичен понятию «*интонация*». Оба термина употребляются для обозначения функциональной системы супraseгментных средств языка - комплекса фонетических средств, реализуемых в составе, слове и т.д., то есть в единицах, крупнее сегментных звуков.

Однако понятие *просодия* и *интонация* не тождественны. *Просодия* как «общее название для фонетических супraseгментных характеристик речи как на уровне восприятия (высота тона, громкость, длительность), так и на физическом уровне (интенсивность, время) часто противопоставлена *интонации*, которая употребляется для обозначения функциональных категорий». *Просодия* рассматривается как система супraseгментных фонетических средств, изучаемых с позиции как физических, так и воспринимаемых качеств.

В отечественной фонологической традиции под *просодией* принято понимать совокупность таких признаков как мелодика (изменение тона), громкость, темп, ударение, паузация, тембр голоса. Орехова О.Е. под термином *просодика* понимает систему супraseгментных компонентов звукового устройства языка: ударения, темпа, тембра, ритма, тона, мелодики, громкости, паузации, которые рассматриваются в аспекте их физических и рецептивных признаков [10].

Просодические признаки относятся не к сегментам (звукам, фонемам), а к супraseгментным компонентам речи - в состав, слова, синтагмы (интонационно-смысловой единства, обычно состоит из нескольких слов) и фразы.

В результате многочисленных экспериментальных исследований [2; 12; 14 и др.] *просодии* речи, проведенных на материале различных языков, было обнаружено, что «*просодия* функционирует не только как речевое, но и как языковое явление. Она представляет собой не только средство, которое обслуживает грамматику и словарь, но и выполняет, пользуясь средствами этих уровней языка и собственными, присущими ей, звуковыми средствами, коммуникативной функцией в ее различных аспектах и поэтому имеет свои дистинктивные признаки и свои стилевые черты».

Дифференциация типов и видов озвученной речи происходит в основном путем оценки воспринимаемых *просодических* синонимических вариантов, которые формируются говорящим под влиянием различных экстралингвистических факторов, образующих языковую ситуацию. Звуковое вещание представляет собой поток звуков, которые благодаря средствам *просодии* сочетаются в слоги, фонетические слова, синтагмы, фразы, надфразные единства.

Фонетическое слово имеет одно словесное ударение и отделяется от другого слова пограничными сигналами.

Сегментация на слова с фонетической точки зрения определяется не наличием пауз, как это часто ошибочно предполагается. «Признаками предела слова могут быть так называемые пограничные сигналы (фонемы, используются только в крайних позициях слова - в абсолютном начале или в абсолютном конце, или комбинации фонем, возникающих только на стыках слов), а также некоторые признаки фонетической цельнооформленности слова».

Интонационно-смысловые единства, возникающие в процессе речи, и являются составными частями фраз или отдельными фразами, называются синтагмами. В конкретном контексте и в конкретной ситуации синтагма выражает одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения.

С точки зрения синтагматического членения особенно выделяются те предложения, в которых есть слова, допускают два вида синтаксической связи.

Синтагменное членение, как правило, осуществляется с помощью

межсинтагменных пауз, однако, появление паузы между синтагмами нельзя называть обязательным. «О конце синтагмы свидетельствует наличие синтагматического ударения (обычно на последнем ударном громкой синтагмы) конец синтагмы обычно характеризуется и специфическим мелодичным оформлением, и сменой темпа». Фонетическое единство синтагмы проявляется в наличии в ней одного объединяющего, усиленного, синтагменного ударения (обычно на последнем слове синтагмы) и в невозможности пауз внутри синтагмы. В случае особого выделения одного из слов (например, при противопоставлении) главный упор может падать на любое слово синтагмы (логическое ударение). Главный ударный состав синтагмы образует ее интонационный центр. Средства объединения синтагмы - единственный мелодический рисунок того или иного вида (интонационный контур), а также характерная для данного типа изменение значений продолжительности и интенсивности.

Если в предложении несколько синтагм, то они сочетаются в фразу благодаря фразовому ударению; пределы фразы оформляются межфразовыми паузами, которые являются более длительными, чем паузы между синтагмами. Членения же большого высказывания на фразы определяется комплексом просодических характеристик - изменением мелодики, темпа, интенсивности, появлением фразового ударения на последнем ударном громкой последней синтагмы в фразе.

Выделить те просодические средства, которые обеспечивают фонетическую целостность надфразного единства, достаточно сложно. Можно говорить о интонационной и ритмической завершенности, а также о взаимозависимости в отборе суперсегментных средств.

Сопоставляя характер просодического оформления всех единиц речевого потока, можно выделить основные средства просодии, которые играют ведущую роль в членении: ударение, пауза, мелодика (движение тона). В зависимости от того, какую единицу членения они оформляют, варьирует их значимость. Синтагма, в оформлении которой участвуют все эти просодические средства, признается всеми исследователями основной единицей озвученной речи. Именно поэтому в анализ просодических характеристик озвученной речи входит разделение озвученного текста на синтагмы и определения мелодики и ударения в каждой из них.

Среди просодических средств мелодика играет ведущую роль. При описании мелодического компонента интонации в основном учитывается форма контура, направление движения частоты основного тона (ЧОТ) и расположение мелодического пика.

Любой звук состоит из основного тона и обертонов. Изменение основного тона голоса в процессе говорения называют мелодикой, а «последовательность относительных высотных характеристик составов, входящих в состав фразы» - мелодичным контуром. Движение тона - это изменение в основной частоте, выражается мелодично. Обертоны - это ряд более высоких по частоте тонов, сопровождающих основной тон и создают особую окраску звучания. Различные соотношения обертонов, которые изменяются в зависимости от изменения в резонирующей полости рта, создают определенный тембр, который, как правило, включают в описание только индивидуальной интонации.

Постоянная смена ЧОТ во время говорения является особенностью речи. Сама частота зависит от многих факторов - как от пола, возраста, индивидуальных особенностей голоса. Поэтому понятно, что для интонационного оформления важна не сама по себе ЧОТ, а ее изменения.

Исследователи интонации [4; 9; 16 и др.] считают, что обычно в качестве ориентиров используют следующие показатели: среднедикторская, максимальная и минимальная ЧОТ. Среднедикторская частота дает представление о типе голоса - высокий, средний, низкий - и о том, от которого наиболее вероятного значения

происходят интонационно значимые отклонения вверх или вниз. Максимальная частота - это высокие значения основного тона, которые возможны у человека, а минимальная - самые низкие. Важной для интонации есть и составляющая контура ЧОТ - большие и плавные изменения (подъемы, падения и более сложные конфигурации), реализуемые в рамках слогов, слов и синтагм.

Еремина Н.В. подчеркивает, что именно по этой составляющей контура можно говорить о мелодике, только эти тональные изменения воспринимаются как мелодичные и передают интонационную информацию [6].

Для интонационного контура высказывания в валлийском варианте английского языка характерен так называемый восходяще-нисходящий контур, то есть с началом высказывания частота начинает повышаться, а, достигнув определенного значения, - снижается. Однако этот общий контур отличается как по месту перелома, так и по характеру снижения мелодики до конца высказывания.

Определение закономерностей мелодичного оформления синтагм очень важно для решения вопроса о норме в интонации, то есть о том, какая интонация считается правильной в тех или иных условиях, а какая неправильной; понимание имеющихся закономерностей поможет не только определить интонацию письменного текста, но и верно воспроизвести ее (что является одной из наиболее актуальных проблем в теле- и радиожурналистике). При анализе озвученного текста сопоставление нормативного интонационного оформления с реальным дает возможность оценить степень экспрессивной окраски речи.

Минимальной единицей, в которой реализуется мелодика, является синтагма. Типичными интонационными оформлениями синтагм многие исследователи называют такие, передающие значение завершенности, незавершенности, вопросы и выделения.

Все синтагмы делятся на конечные и неконечные. Многие исследователи, в частности Вольская Н.Н. [5], говорят о том, что с точки зрения формы мелодического движения, синтагмы как первого, так и второго типа делятся на имеющие общее восходящее движение ЧОТ, общее нисходящее движение ЧОТ и ровное движение ЧОТ. В восходящем типе соединены значение зависимости и незавершенности, в нисходящем - значение независимости и завершенности. Эти значения в той или иной степени присутствуют в любом связном тексте и определяют тактические связи между словами, между синтагмами и между фразами.

Однако имеющиеся синтаксические связи могут сочетать такие значения, которые соединяют черты восходящего и нисходящего тона.

Для нейтрального интонирования наиболее уместен ровный тон. Ровный тон возникает на границе восходящего и нисходящего, когда возникает интонационная вариативность и говорящий может выбирать. Повышение тона на такой синтагме сразу переключает внимание на следующую фразу. А снижение, наоборот, акцентирует интонационный центр данной синтагмы. Это впечатление усиливается за счет того, что нисходящая мелодика сопровождается более длительной паузой, чем восходящая.

При сочетании синтагм учитывается не только форма мелодического движения, но и высотный уровень конца первой и начала второй синтагмы. Дополнительными характеристиками синтагм может служить распределение интенсивности и продолжительности.

Временная организация высказывания подчинена мелодичной, и усиливает ее. При нормальном развитии восходяще-нисходящего контура, оформляет рассказ, темп речи характеризуется замедлением в конце высказывания, и замедление вместе с нисходящей мелодикой служит сигналом того, что, либо высказывания закончено, или оно требует продолжения от собеседника (если это вопрос). Продолжительность - это длина произнесенного звука во времени. Темп речи характеризуется количеством звуков, произнесенных за единицу времени: чем больше количество звуков,

произнесенное за единицу времени, тем быстрее темп речи и меньше длительность звуков: «К понятию темпа входят: 1) скорость речи в целом, 2) длительность звучания отдельных слов; 3) количество и продолжительность пауз. Продолжительность складов, представляющих звуковые единицы, различна в зависимости от ударения и выразительности. Длительность звучания отражает не только относительное значение слов во фразе, но и глубину переживаний».

Поскольку существует общая тенденция к более медленному произношению того, что для говорящего кажется наиболее важным, наибольшую продолжительность будет иметь громкость слова, содержащегося в интонационном центре, обычно на него приходится и особый упор. Это соответствует универсальной тенденции тратить больше времени на то, что важно, новое, ценное, и меньше - на то, что менее важно, менее ценное, уже известно.

При увеличении громкости речи его темп замедляется. Кроме того, на фоне небрежно выпадающей речи замедление темпа используется как сильное экспрессивное средство.

Многие исследователи, в частности Беляева И.Г. [3], отмечают, что при сравнении средней продолжительности звуков при различном интонационном оформлении видно, что максимальная она при восклицательной интонации, далее следует интонация завершенности, а интонация вопроса и незавершенности характеризуется наименьшей средней продолжительности звука, то есть самым быстрым темпом произношения звука, то есть самым быстрым темпом произношения.

Соловьева Н.Н. отмечает, что спонтанная разговорная речь характеризуется изменением темпа (если одна тонема разговорной речи в серьезных жанрах обычно содержит от нескольких до 10 слов, то для спонтанной речи пределы шире - от 1 до 20 слов и более) [13]. Иногда говорящий делает паузу, растягивая первое слово, но в среднем темп разговорной речи на 10-15% выше темп кодифицированной озвученной речи.

Темп речи тесно связан с его адресностью: чем выше темп, тем сложнее является восприятие, то есть тем более подготовленной должна быть аудитория. Неслучайно темп в телевизионных программах для детей меньше.

Интенсивность (энергия) звуков зависит от амплитуды колебаний голосовых связок. Чем больше мышечное напряжение органов артикуляции, тем больше амплитуда, а отсюда и интенсивность звука, при восприятии отражается на громкости: более интенсивный звук воспринимается как более громкий.

Пауза - перерыв в вещании, которая акустически обычно соответствует отсутствию звука, а физиологически - остановка в работе речевых органов.

Пауза - временной разрыв в потоке устной речи; во взаимодействии с мелодикой она членит речь, выполняя интонационно-синтаксические функции. Пауза рассматривается и как элемент невербальной коммуникации, она свидетельствует о трудностях в подборе слов. На продолжительность и распределение пауз влияют сложность речепонятийных задач, подготовленность / неподготовленность речи. Иногда пауза является следствием недостаточного знания языка, сформированности навыков и умений.

Роль паузы в речи весьма существенна. Хотя основная информация сообщения выражается в озвученных сегментах речи, паузы также содержат смысловую и языковую информацию. Отношение паузы к звучанию в английском речи равен 16% - 22%. Паузы могут сообщать об отношениях между частями речевого сигнала (соединительная и разделительная паузы), предупреждать об изменении предмета высказывания, свидетельствовать об эмоциональном состоянии говорящего или о его типе высшей нервной деятельности, и, наконец, они являются выражением определенных свойств звука. Короткая пауза перед кульминационным пунктом речи и

после него - один из способов ярче подчеркнуть его.

Результаты многочисленных исследований в области фонетической организации спонтанно продуцируемых текстов показывают, что пауза как воспринимаемый феномен для членения текста относится к наиболее надежным сигналам для делимитации устных спонтанных текстов. К физическим коррелятам воспринимаемой паузы можно отнести такие, как физический перерыв в звучании, перепады частоты основного тона, интенсивность, изменение темповых характеристик.

Термин *пауза* объединяет два понятия: перерыв в звучании и границу интонационного членения. Паузы, которые во взаимодействии с мелодикой членят речи, выполняя интонационно-синтаксические функции, большинством исследователей называются интонационными (иногда их называют синтаксическими). Место таких пауз в тексте определяется тремя факторами: фонетическим (величиной отрезка речевого цепи), синтаксическим (стремление речевого отрезка сочетаться в синтагму, фразу, сохранить синтаксическую оформленность) и семантическим (влияние смысловой важности объединения группы слов в синтагму, фразу). В зависимости от того, границей какой единицы речевого потока является интонационная пауза, в нашем исследовании мы выделяем *межсинтагменные* паузы (/) и *межфразовые* паузы (//). Они составляют основу паузации для всех типов вещания и встречаются в озвученной речи чаще других видов пауз. По данным экспериментальных исследований, в подготовленной речи интонационные паузы составляют 65-80% от общего количества пауз, в спонтанном - 45-60%.

Как показывают многочисленные экспериментальные исследования озвученной речи, интонационная пауза может быть выражена только изменением тона на границе двух синтагм без реальной остановки звучания. По наблюдениям Безбородовой Л.А., «пауза может восприниматься на слух в тех случаях, когда отсутствует физический перерыв в звучании [18]. Такую паузу фонетисты и психологи речи называют «воспринимаемой» в отличие от реальной паузы, обусловленной перерывом звучания». Важно также отделить интонационные паузы от пауз хезитации (некоторые исследователи называют их *паузами колебания*). Хезитации, что чаще всего наблюдаются в спонтанной речи, имеют ряд особенностей, в частности именно они проявляются в виде заполненных пауз, однако, во многих случаях физически они ничем не отличаются от интонационных пауз. Однако при анализе интонации необходимо дифференцировать эти виды пауз, квалифицируя их, например, как запланированные (собственно интонационные - межфразовые и межсинтагменные) и незапланированные (хезитационные - нередко внутрисинтагменные).

Основным признаком спонтанной речи является отсутствие предварительного планирования речевого высказывания, то есть процесс обдумывания речи происходит в момент говорения. Именно этим объясняется целый ряд специфических характеристик спонтанной речи, в том числе и появление в нем пауз колебания, которые могут возникать в любой части текста и в большинстве случаев не совпадают с синтаксическими паузами. Особенности распределения пауз колебания в спонтанной речи в значительной мере отражают принципы его организации: в основе построения спонтанного текста лежит не столько логическое развертывание его содержания, сколько ассоциативное «нанизывания» отдельных частей текста.

Общеизвестно, что хезитации выполняют в тексте связную, или соединительную функцию, объединяя отдельные элементы фразы или высказывания в одно целое. За счет заполненной паузы хезитации интонационно, а иногда и синтаксически разорванные высказывания воспринимается слушателем как одно целое [19].

Некоторые авторы разделяют хезитации на две основные группы: хезитации, имеющие смысловое содержание, и те из них, которые не имеют такого содержания. К первой группе относятся, прежде всего, вводные слова типа «я думаю», «я считаю», «ты

знаешь» и другие [1]. Ко второй группе относятся вокализации типа «mmm», «ага», «угу», «эээ» и др. Хезитации, имеющие смысловое содержание, сосредоточены на важном элементе высказывания, наиболее ярко выделяя его в тексте. Их цель - контроль говорящего над производством речи. Функция вокализации заключается, прежде всего, в поддержании беседы, их употребление в диалоге наиболее частотные. Вокализации используются как между фразами, так и внутри фраз, могут накладываться на реплики говорящего.

Абсолютная длительность интонационных пауз меняется в широких пределах - от величин, сравнимых со средней продолжительностью звука или склада, до величин, сопоставимых со средней продолжительностью отрезков, разделяются паузой (синтагмами или фразами). При этом абсолютная продолжительность пауз зависит от индивидуального и ситуативно обусловленного темпа речи. С интонационной точки зрения наиболее вариативная и интересная продолжительность пауз внутри высказывания, поскольку она отражает не только факт членения потока речи на смысловые отрезки, но и характер смысловой связи между этими отрезками. По продолжительности выделяют паузы минимальные (сюда входят и нулевые), средние и большие. Продолжительность пауз зависит от того, насколько тесно связаны между собой или отделены друг от друга предложения и их части: чем эта связь более тесная, тем короче паузы и наоборот. Продолжительность пауз зависит от общего темпа речи: при быстром темпе паузы укорачиваются, при медленном - удлиняются.

Дифференциация типов и видов озвученной речи происходит путем оценки воспринимаемых вариантов, которые формируются говорящим под влиянием различных экстралингвистических факторов, образующих речевую ситуацию.

Список литературы

1. Абубакаров М.Н., Хусиханов А.М. Проблема потерянного поколения в прозе Э.-М. Ремарка // В сборнике: Наука и молодежь Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов. 2016. С. 277-280.
2. Безбородова М.А. Развитие психомоторных способностей младших школьников // Начальная школа. 2008. № 6. С. 15-18.
3. Беляева И.Г. Работа с ментальными картами в процессе обучения немецкому языку в неязыковом вузе // В сборнике: Перспективы развития современных гуманитарных наук Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 44-46.
4. Волкова А.А., Добровольская Е.В., Дудина Е.А., Коротких Е.Г., Лесникова-Бяндова Н.П. Обучение иностранным языкам в высшей школе на базе разноуровневого обучения // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 2. С. 264.
5. Вольская Н.Н. Визуальная метафора и ее функции в массовом издании // Современная наука: теоретический и практический взгляд материалы VII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 153-158.
6. Еремина Н.В., Томин В.В. К вопросу о стилистических особенностях английской публицистики в условиях кросс-культурного взаимодействия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 138-143.
7. Жилавская И.В. Медиаповедение личности. обретение смысла // Медиаскоп. 2011. № 2. С. 31.
8. Калинина С.А. Образная репрезентация театра в английском прозаическом дискурсе конца XIX - начала XX в.в // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 235-238.
9. Кротовская М.А. Сленг как часть разговорного английского // Педагогические науки. 2016. № 6 (81). С. 39-42.

10. Орехова О.Е. Актуальные проблемы развития коммуникационных технологий: опыт Германии. - Москва, 2006. – 129 с.
11. Семухина Е.А. О концептуальных основаниях некоторых типов дискурса французских СМИ // В сборнике: Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации материалы докладов VIII Международной конференции. 2016. С. 267-272.
12. Семькина Р.С.-И. Новый подпольный человек в романе В. Маканина «Аандеграунд, или герой нашего времени» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2008. Т. 59. № 16. С. 173-183.
13. Соловьева Н.Н. Педагогическая система формирования языковой культуры специалиста в условиях непрерывного образования. - Москва, 2009. – 303 с.
14. Станиславова И.Л. Философская антропология и внутренний мир человека // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2018. С. 129-133.
15. Томин В.В. Технологии взаимодействия как фактор развития речевой деятельности студентов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. - Оренбург, 2006
16. Черникова В.Е. Художественная коммуникация как объект философского исследования (на материале зарубежных теорий XX в.) // Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. - Харьков, 1998. – 360 с.
17. Шнякина Н.Ю. Концептуализация обонятельных ощущений в немецкой языковой картине мира (количественный аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (131). С. 51-56.
18. Bezborodova L.A., Maximova E.V. The current state of the problem of diction development in psychological and pedagogical researches // Школа будущего. 2015. № 2. С. 136-148.
19. Glukhov V.A., Glukhova N.N. A system of techniques and stratagems for outlining a traditional ethnic identity // The Retrospective Methods Network. 2012. № 4. С. 60-72.
20. Zhabo N.I., Utkina E.A., Avdonina M.Yu. Avantages du savon organique à la lavande pour la peau mixte: aspects psycho-physiologiques // В сборнике: Современная парадигма научного знания: актуальность и перспективы Сборник статей по материалам четвертой международной научно-практической конференции. 2016. С. 24-27.

Информация о авторе:

Панченко Юлия Владимировна,
аспирант, Сумской государственной
университет, г. Сумы, Украина

Information about author:

Panchenko Yulia Vladimirovna,
graduate student, Sumy State University,
Sumy, Ukraine

Наука молодых – мост в будущее

УДК 94(497.11)

М.Г. Скорб

РОССИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806-1812 ГГ.

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

Аннотация: В статье рассматривается влияние российской внешней политики на процесс становления сербской государственности и формирование системы государственных органов молодого сербского государства. Автор анализирует деятельность в Белграде российского поверенного в делах К.К. Родофиникина. Особое внимание уделяется российским проектам сербской государственности, разработанным в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг.

Ключевые слова: Первое сербское восстание, Карагеоргий, К.К. Родофиникин, Русско-турецкая война 1806-1812 гг., Правительствующий совет, Белградский мирный договор 1812 г.

UDC 94(497.11)

M.G. Skorb

RUSSIA AND THE FORMATION OF SERBIAN STATEHOOD IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR 1806-1812

Yanka Kupala State University of Grodno

Abstract: The article examines the influence of Russian foreign policy on the process of the formation of the Serbian statehood and the formation of a system of state organs of the young Serbian state. The author analyzes the activities in Belgrade of the Russian attorney in the affairs of K.K. Rodofinikina. Particular attention is paid to Russian projects of Serbian statehood, developed during the Russo-Turkish War of 1806-1812.

Key words: The first Serbian uprising, Karageorgia, K.K. Rodofinikin, Russian-Turkish war of 1806-1812., Governing Council, Treaty of Belgrade 1812

С началом русско-турецкой войны 1806-1812 гг. в истории сербской государственности начался новый период, обусловленный сменой основной цели повстанцев, которой стало создание независимого сербского государства, что в

конкретных условиях того времени было невозможно без помощи России.

24 апреля 1807 г. в ставку главнокомандующего Дунайской армией И.И. Михельсона, располагавшуюся в Бухаресте, прибыла сербская депутация, которая просила оказать им военную и финансовую помощь, а также прислать в Сербию советника, способного в деле государственного управления, который бы, по словам И.И. Михельсона, «председательствовал и руководил всеми их деяниями». Сербские депутаты направили письмо Александру I, в котором просили назначить им «одного опытного министра, сведущего в управлении земельном». По рекомендации И.И. Михельсона сербы конкретно указали на действительного статского советника, чиновника Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина. 2 июня в ставку И.И. Михельсона прибыл указ царя о назначении российским уполномоченным в Сербии К.К. Родофиникина [13].

16 июня 1807 г. И.И. Михельсон вручил К.К. Родофиникину инструкцию, согласно которой «нахождение Ваше у сербов, имея целью, между прочим, так, как в пунктах о прошении депутатов представлено от Вас было, дать народу сему руководство к образованию внутреннего у них правления, вашему превосходительству следует заняться образованием не без важного предмета сего, и что по оному учинено будет Вами и на мере положено, о том предоставляю Вам доносить министру иностранных дел и меня извещать» [17].

По прибытии в Белград К.К. Родофиникин обнаружил, что совет практически не функционирует. Законодательную власть себе присвоил Карагеоргий, а местная власть была в руках воевод. В целом же в середине 1807 г. Сербия представляла собой конгломерат полунезависимых областей, возглавляемых воеводами. Взаимоотношения областей с центральной властью прямо зависели от личных отношений того или иного воеводы с Карагеоргием [7].

В короткий срок К.К. Родофиникин добился того, чтобы все члены совета участвовали в заседаниях. Уже 8 августа 1807 г. Правительствующий совет принял документ «Основание Правительства сербского», автором которого был К.К. Родофиникин. Согласно принятому документу, верховным органом государственной власти в повстанческой Сербии по-прежнему оставался Правительствующий совет, или, как иногда называл его К.К. Родофиникин, Сенат. Председателем Правительствующего совета провозглашался Карагеоргий с титулом «сиятельнейший князь». В состав совета входили нахийские воеводы с титулом «сиятельный вождь», члены старого совета с титулом «превосходный сенатор» и выборные представители от каждой из нахий со званием «советник совета» [1].

Верховный вождь, воеводы и «превосходные сенаторы» являлись пожизненными членами совета, а представители нахий избирались на три года. Председатель совета располагал тремя голосами, остальные члены совета имели по одному голосу и равные права. Правительствующий совет сохранял за собой функции законодательной власти: имел право вводить новые налоги, объявлять войну и заключать мир, назначать главнокомандующего и местных воевод, без его решения не мог быть исключен из состава совета ни один советник. В нахиях планировалось ввести должность губернатора, назначаемого лично князем и подотчетного только ему. Губернатор должен был обладать на территории своей нахии всей полнотой административной и судебной власти [18].

Таким образом, после принятия «Основания Правительства сербского» Сербия фактически становится парламентской монархией: представительный орган имел широкие полномочия и значительно ограничивал деятельность князя. После принятия документа его отправили на утверждение в Петербург. Однако к тому времени, когда проект был доставлен Александру I, начались мирные переговоры с Османской империей. В условиях заключенного перемирия император счел неуместным обострять

и без того сложные отношения с Портой, поэтому и не одобрил «Основание Правительства сербского». Официальной причиной отказа послужило то, что К.К. Родофиникин не имел полномочий для написания де-факто сербской конституции [18].

К.К. Родофиникин также пытался внедрить некоторые законы Российской империи, которые подходили Сербии. Наиболее продуктивно эта работа шла в области уголовного права: путем совмещения российских законов и сербской судебной практики был создан проект уголовного законника [14].

Сведений о подготовке и времени его принятия крайне мало. По всей вероятности, он был принят на скупщине, проходившей в Белграде с 25 февраля по 6 марта 1808 г. Несомненно, в написании проекта законника активное участие принимал и К.К. Родофиникин, и секретарь правительственного совета М. Ненадович. Криминальный законник состоял из 38 статей, однако первые 13 статей не сохранились. Авторы законника выделяли четыре основных категории преступлений: преступления против государства и порядка государственного управления, военные преступления, преступления против семьи и брака, преступления против жизни, здоровья и собственности [4].

Вопрос о создании сербского государства еще более усложнился после Эрфуртского конгресса, проходившего осенью 1808 г. Учитывая заключенные здесь договоренности, российский МИД поручил новому командующему Дунайской армии А.А. Прозоровскому начать мирные переговоры с Османской империей, ему также рекомендовалось «обеспечить спокойствие Сербии и установить правление, желанию народа соответствующее, под покровительством России» [17].

А.А. Прозоровский затребовал от К.К. Родофиникина примерный план государственного устройства Сербии, просил «составить проект конституции, приняв к тому в основание высочайшую волю». Кроме того, он желал знать, нужен ли Сербии князь и каков будет порядок его избрания, какие следует учредить «присутственные места к управлению земли и к наблюдению правосудия и какие законы земле этой иметь». Особенно командующего интересовал размер дани, которую сербы могут платить султану «без тягости» [3].

2 ноября 1808 г. К.К. Родофиникин составил записку на имя командующего Дунайской армией, где утверждал, что создание сербского государства в границах государства Стефана Душана, как предлагали некоторые из вождей восстания, невозможно, можно лишь присоединение нескольких нахий, соседствующих с территорией Белградского пашалыка [16].

Будущее сербское государство К.К. Родофиникин видел непременно независимым, но оно обязано было выплачивать Порте дань в размере 100 тыс. пиастров. Важным условием, по видению российского уполномоченного, было право Сербии вести беспошлинную торговлю на всей территории Османской империи. Кроме того, К. К. Родофиникин предлагал в тексте конституции закрепить преимущественное положение России в Сербии по сравнению с другими державами, а также военно-политический союз Сербии и России [5].

Существующий Правительствующий совет, по мнению К.К. Родофиникина, полностью превратился в судебный орган, поэтому его следует разделить на гражданскую и уголовную коллегии. Поскольку принятие криминального законника не создало нормативно-правовой базы для деятельности судов, а в Сербии продолжало действовать обычное право, К.К. Родофиникин предлагал осуществлять судопроизводство на основе российских законов [9].

Молодое сербское государство К.К. Родофиникин видел только монархией, а «верховным правителем теперь из поглаварей сербских никто приятен не будет, кроме одного Черного Георгия». Для выполнения воли князя К.К. Родофиникин предлагал

создать новый Правительствующий совет, состоящий из воевод, назначаемых князем, и избираемых представителей нахий. Каждому члену совета предполагал назначить конкретную должность: блюстителя правосудия, великого казначея, попечителя военных дел, хранителя печати, попечителя торговли, иностранных дел. Установить другие должности, по мнению К.К. Родофиникина, было невозможно по причине малого количества грамотных людей в Сербии. Для скорейшего решения этой проблемы он предлагал создать сеть школ, обучение в которых осуществлялось бы за счет государства. По мнению российского уполномоченного, деятельность князя определяется «нуждами сербского народа», а полномочия Правительствующего совета следует регламентировать конституцией [9].

Определяя территорию будущего сербского государства, К.К. Родофиникин называл восточной границей Сербии реку Тимок, на юге граница должна была проходить по крепостям Ниш, Рашка, Вишеград, западная граница – по реке Дрина, а северной границей сербского государства назывались реки Сава и Дунай.

Таким образом, фактически К.К. Родофиникин предлагал создать в Сербии неограниченную абсолютную монархию, связанную с Османской империей только выплатой небольшой дани, а с Российской империей – дипломатическими обязательствами.

Российский представитель считал, что препятствием к осуществлению данного плана станут Карагеоргий, главные воеводы, проавстрийски настроенная группировка старейшин под руководством М. Миловановича. Чтобы «спокойно» провести реформу государственного управления, К.К. Родофиникин советовал на время ее осуществления (2–3 месяца) пригласить Карагеоргия в распоряжение Дунайской армии к фельдмаршалу А.А. Прозоровскому, а старшего сына вождя вместе с сыновьями воевод отправить на обучение в Петербург в качестве «аманатов» (заложников). М. Миловановича и его сподвижника М. Милое следовало «на долгое время, если не навсегда» удалить из Сербии. Такие способы реализации реформы государственного аппарата выдавали в К.К. Родофиникине «высокомерного генерала», как называли его сербы [2].

Несколько правок в проект К.К. Родофиникина внес командующий Дунайской армией А.А. Прозоровский. Наиболее значительной из них была передача реальных властных полномочий российскому консулу в Белграде, а гарантами сербской конституции А.А. Прозоровский предлагал сделать Россию и Францию. После ознакомления и внесения собственных правок фельдмаршал направил записку К.К. Родофиникина в Петербург [18].

А.А. Прозоровский фактически предлагал создать сербское государство, являющееся сателлитом России, что полностью противоречило Эрфуртской конвенции, согласно которой Россия гарантировала целостность владений Османской империи на правом берегу Дуная и брала на себя обязательство не создавать независимое государство на территории империи [4].

В начале декабря товарищ министра иностранных дел, глава Азиатского департамента МИД А.Н. Салтыков, подал на имя Александра I записку, в которой содержались основные замечания по проекту сербской государственности. Он указывал, что Россия должна сохранить свое влияние в Сербии, однако она не может прямо и явно контролировать внешнюю политику будущего сербского государства, хотя российский консул в Белграде должен «мягко советовать более всего важные для России пункты». Формирование органов государственной власти должно проходить «без явного участия со стороны России», поэтому А.Н. Салтыков выступал против того, чтобы российский консул заседал в сербском Правительствующем совете. По мнению А.Н. Салтыкова, власть российского консула должна основываться на «взаимной доверенности, отдавая все то, что может оскорбить самолюбие народа и совета». Введение российского

законодательства А.Н. Салтыков считал полезным, однако, по его мнению, это следует осуществлять осторожно и только с согласия сербского совета. Вопрос о выплате дани рекомендовалось включить в текст мирного договора с Портой лишь после предварительного согласования с сербскими старейшинами [3].

Пока в инстанциях российского МИДа проходило согласование проекта сербской государственности, в Константинополе произошел очередной государственный переворот. Видя ослабление и упадок Османской империи, сербские старейшины М. Милованович и И. Югович обнародовали новый проект создания будущего сербского государства, в которое должны были войти, кроме собственно сербских земель, Болгария, Албания и Босния [20].

В связи с этим в декабре 1808 г. в ставку А.А. Прозоровского была направлена сербская депутация. В инструкции, данной Правительствующим советом, первым пунктом значилось добиться от Порты признания полной независимости Сербии. Граница Сербии должна быть установлена после принятия Портой первого пункта. В случае отказа Османской империи принять первый пункт, Россия должна добиться от европейских держав согласия на создание свободной и независимой Сербии. В секретном пункте говорилось о заключении вечного союза между Россией и Сербией [20].

Под влиянием К.К. Родофиникина и А.А. Прозоровского сербские старейшины значительно умили свои требования относительно территории, согласившись на возможное присоединение только двух нахий. Однако зимой 1809 г. авторитет и влияние К.К. Родофиникина в Сербии стали падать. Примером этого стала отправка в январе 1809 г. сербской депутации А.А. Прозоровскому, минуя российского представителя в Сербии [20].

13 января в Яссах А.А. Прозоровский принял сербскую депутацию, которая просила петербургский двор взять сербов под свое покровительство. Командующий заявил, что это совершенно невозможно, ибо расширение российских границ за правый берег Дуная вызовет сопротивление со стороны Франции, Австрии, Великобритании и Османской империи, а воевать со всеми четырьмя державами у России не хватит сил. Зажатая между Австрией и Османской империей Сербия не сможет самостоятельно отстоять свою независимость [20].

17 января 1809 г. депутаты письменно уведомили А.А. Прозоровского, что настаивают на расширении границ, но выдвигают неперемное условие, чтобы на переговорах с турками российские уполномоченные требовали предоставления Сербии полной независимости, гарантированной европейскими державами [12].

Кроме того, А.А. Прозоровский под давлением сербов принял решение отправить в Белград в помощь К.К. Родофиникину надворного советника Ф.И. Недобу. К.К. Родофиникин сохранил свой пост, однако, его место пребывания изменилось с Белграда на лагерь И.И. Исаева, около крепости Кладово. Таким образом, весной 1809 г. влияние К.К. Родофиникина было ограничено лишь Восточной Сербией и воеводами – М. Стойковичем и П. Добрянцем [5].

После разгрома повстанческих войск весной – летом 1809 г. и бегства сербских старейшин и российского представителя из Белграда вопрос о создании независимого сербского государства не ставился. В ноябре 1809 г. сербские старейшины предприняли еще одну попытку просить российское правительство установить в Сербии прямое российское правление. Новый командующий Дунайской армией П.И. Багратион заявил, что это невозможно, поскольку противоречит условиям Эрфуртской конвенции и условиям проекта мирного договора с Портой [20].

Бегство К.К. Родофиникина из Белграда еще более усилило негативное отношение к нему со стороны Карагеоргия и некоторых сербских старейшин. Будучи греком по происхождению, К.К. Родофиникин неплохо ориентировался в

национальном, политическом и конфессиональном положении на Балканах. Тем не менее, его греческое происхождение создавало ему ряд проблем. Так, летом 1809 г. среди сербских старейшин приобрела популярность версия о фанариотском заговоре: якобы греки-фанариоты намеревались воссоздать в Сербии греческую империю. Основными участниками этого заговора будто бы являлись белградский митрополит Леонтий, российский уполномоченный К.К. Родофиникин, представитель валашского князя М Манолаки. Именно на деятельность К.К. Родофиникина списывали недостаточный объем российской военной и финансовой помощи, а также нежелание командующего Дунайской армией А.А. Прозоровского обеспечить создание сербского государства в границах средневекового государства Стефана Душана [7].

Распространение легенды о фанариотском заговоре и бегство К.К. Родофиникина из Белграда значительно ослабили демократический лагерь в восстании и позволили отправить в оппозицию воевод Восточной Сербии М. Стойковича, П. Добрянца и ряд старейшин, которые являлись сторонниками пророссийской ориентации в восстании. Отстранение названных лиц от власти значительно уменьшило влияние России в Сербии [18].

В ноябре 1809 г. в Белграде состоялась скупщина, на которой отсутствовали главные воеводы-«оппозиционеры». На скупщине было принято решение об отправке к командующему Дунайской армией депутации, которая должна была просить П.И. Багратиона направить вместо К.К. Родофиникина другого представителя, «природного русака». Еще одним решением Белградской скупщины стало отстранение митрополита Леонтия и избрание на его место игумена монастыря Рача Милентия [19].

Проавстрийская оппозиция пыталась сменить внешнеполитическую ориентацию сербского государства. Летом 1810 г. М. Милованович и М. Милое вели активные переговоры с Австрией, предлагая установить в Сербии австрийское правление по примеру Военной границы в Австрии. Под давлением К.К. Родофиникина, командующего Дунайской армией Н. М. Каменского и посла в Вене А.Б. Куракина Карагеоргий был вынужден удалить из Правительствующего совета М. Миловановича и М. Милое [3].

Высылка проавстрийски настроенных старейшин стала завершением конфликта между старейшинами различных группировок. Часть старейшин из Северной Сербии и Подунавья выступала за ориентацию на Россию. Большая часть старейшин, в том числе и Карагеоргий, выступали за внешнеполитическую ориентацию на Россию. Изгнание оппозиционных старейшин окончательно закрепило внешнеполитическую ориентацию на Россию и устройство сербского государства, разработанного соответственно пожеланиям России.

Высылка М. Миловановича и М. Милое была последней победой российского уполномоченного. Недоверие к К.К. Родофиникину крепло и вылилось в несколько погромов его дома и резиденции, что вынудило его к бегству к оппозиционному воеводе Восточной Сербии М. Стойковичу. Правительствующий совет предложил создать независимую комиссию для расследования деятельности К. К. Родофиникина в Сербии [18].

Весной 1810 г., назначая Е.Г. Цукато командующим российскими войсками в Сербии, Н.М. Каменский дал ему инструкцию, в которой писал: «Найдено за благо вверить и те полномочия, кои были в руках господина действительного статского советника Родофиникина». Таким образом, К.К. Родофиникин был отстранен от ведения дел с повстанцами, хотя продолжал находиться в штабе Е.Г. Цукато [11].

В декабре 1810 г. к командующему Дунайской армией Н.М. Каменскому прибыла сербская депутация, которая просила ввести в сербские крепости российские гарнизоны и прислать в Сербию двух чиновников для «сочинения законов, поскольку от произвола своих старейшин сербам много зла претерпеть довелось». Отдельно сербские

депутаты просили, чтобы посланные министры были «природными русаками». Н.М. Каменский дал согласие на переправку в Сербию сильного корпуса, но предупредил, что имеет предписание из Петербурга не вмешиваться во внутренние дела сербов. Н.М. Каменский отвечал сербским депутатам: «Сочинителей законов дать не могу; прикажу, однако же, начальнику войск, который будет там действовать, или же по усмотрению моему пошлю туда другую особу, которая, не мешаясь ни во что, будет токмо преподавать им нужные советы ко введению некоторого устройства, поелику это возможно при настоящем положении дел» [3].

Отправляя военный корпус в Сербию, Н.М. Каменский предписал его командиру – полковнику А.Ф. Бале: «В дела управления земли, в дела судейные и полицейские не мешаться ни словом, ни делом. Дабы не дать ни сербам, ни австрийцам ни малейшего подозрения в том, что мы надеемся утвердить там свое владычество» [8].

В декабре 1810 г. из ссылки был возвращен М. Милованович, что было связано с женитьбой его сына на дочери Карагеоргия. Он полностью зависел от Карагеоргия, поэтому стал активно поддерживать идею создания независимого сербского государства с неограниченной наследственной властью Карагеоргия под защитой России [4].

В конце 1810 г. М. Груйович и М. Милованович разработали новый проект сербской государственности, весьма похожий на проект, К.К. Родофиникина. Основной идеей этого проекта было удаление от власти оппозиционных воевод М. Стойковича, П. Добрянца и Я. Ненадовича, планировалось дать им места в сербском правительстве, удалив от верных им войск [6].

6–12 января 1811 г. состоялась скупщина, на которой Карагеоргия провозгласили верховным вождем сербского народа с наследственной властью. Сам Карагеоргий присягнул в вечной верности России. Правительствующий совет преобразовывался в правительство, где места распределились следующим образом: М. Милованович – военный попечитель, М. Стойкович – попечитель иностранных дел, Я. Ненадович – попечитель внутренних дел. П. Добрянц получил должность верховного судьи. 11 января была принята новая конституция, в соответствии с которой все военачальники, местные органы власти и народ обязаны были признать Правительствующий совет, главой которого оставался Карагеоргий в качестве высшего органа законодательной власти. По новой конституции члены Правительствующего совета назначались и отстранялись только верховным вождем [7].

Введение великих воевод в состав центрального правительства освобождало реформаторам путь к реорганизации власти на местах. Вместо них устанавливались должности малых воевод. Карагеоргий сам назначал малых воевод, в их подчинении находились меньшие территории, нежели у прежних великих. К тому же, если прежние великие воеводы избирались на скупщинах, то статус малых воевод был чисто чиновничьим. Отстранение великих воевод от командования войсками и от управления территориями означало фактическое их отстранение от власти, а посты в совете становились лишь почетными должностями. Когда М. Стойкович, Я. Ненадович и П. Добрянц отказались от предложенных им постов, они получили по обвинительному листу и были изгнаны с территории Сербии [10].

Таким образом, у Карагеоргия фактически не осталось конкурентов и оппозиции, что позволило ему беспрепятственно укрепить свою неограниченную власть. Однако следует отметить, что с территории Сербии были изгнаны самые талантливые военачальники и государственные деятели, что привело к скорому поражению восстания.

Конституционная реформа 1811 г. стала результатом самоустранения России от разработки основ государственного строя Сербии. После данной реформы власть поделили между собой Карагеоргий и группировка М. Миловановича, контролирующая Правительствующий совет.

Согласно условиям Бухарестского мирного договора, структура сербского государства определялась сербско-турецкой конвенцией, заключение которой должно было осуществиться без вмешательства каких-либо государств. Однако по прошествии года безрезультатных переговоров последние прекратились, и Османская империя начала военное наступление на территорию Белградского пашалыка, закончившееся полным разгромом повстанческих формирований [12].

Летом 1812 г. должны были начаться переговоры между Сербией и Османской империей о полномочиях местной администрации и размере дани выплачиваемой Порте. Однако сербское руководство отказалось начать переговоры, и восстание было продолжено. Уже осенью 1812 г. недостаток вооружения и провизии значительно сказался на боеспособности повстанческих войск. Летом 1813 г. турецкие войска начали генеральное наступление в Сербии, в результате которого, в октябре 1813 г., был взят Белград, а восстание полностью подавлено.

Многие элементы новой сербской государственности создавались под непосредственным влиянием российской внешней политики. В частности, автором проекта сербской конституции стал российский уполномоченный в Белграде К.К. Родофиникин. Благодаря его деятельности были заложены основы правовой системы сербского государства – в Сербии вводились российские законы. Деятельность российского уполномоченного способствовала формированию основных институтов молодого сербского государства, которые получили дальнейшее развитие в сербском княжестве после получения автономии в 1815 г.

Однако, российская дипломатия не учитывала в полной мере противоречия между различными группировками сербских старейшин, что привело к падению российского влияния в Сербии. Недостаточное влияние России на ход событий в Сербии привело к тому, что сербы отказались продолжить переговоры с Османской империей летом 1812 г., что, в конечном счете, стало одной из основных причин поражения восстания. Несмотря на падение своего влияния, Россия оставалась единственным союзником Сербии в борьбе против Османской империи.

Список литературы

1. Аншаков Ю.П. Из истории русско-черногорских связей в конце XVIII – начале XIX вв. // Россия и Балканы из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.) / Ин-т славяноведения; редкол.: И.С. Достян (отв. ред.) [и др.] – М.: Ин-т славяноведения РАН, 1995. – С. 100-119.
2. Белов М.В. Восстание 1804-1813 годов и развитие сербской национальной идеи // Славяноведение. 2004. № 2. С. 3–17.
3. Брашић, М. Југословенске народне скупштине и сабори / М. Брашић. – Београд, 1937. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI=scc>
4. Внешняя политика России XIX и начало XX века. Документы российского министерства иностранных дел (январь 1806–июль 1807) / Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР; отв. ред.: А.Л. Нарочницкий. – М.: Политиздат, 1963. – 840 с.
5. Вукићевић, М. Караџе. Том 2/ Вукићевић М. – Београд, 1912. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://books.google.by/books?id=ru&source=gbs_book_similarbooks
6. Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. № 1. С. 90-103.
7. Грачев В.П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 3–17.
8. Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G. Cultural dialogue development between

Russia and Siberia at the turn of XIX–XX centuries // European researcher. Series A. 2013. № 9-1 (58). С. 2269-2274.

9. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А., Усов А.В. История России с древнейших времен до наших дней. - Москва, 2017.

10. Достян И.С. Планы создания славяно-сербского государства в начале XIX века и Россия // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина: сб. науч. статей: сб. науч. статей/ Ин-т славяноведения; под ред.: И.С. Достян[и др.] – М.: Наука, 1972. – С. 98–107.

11. Зезюлько А.В. Научно-технический прогресс в XIX веке и его отражение в гуманитарной мысли // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 20-23.

12. Игнатъева А.П., Федотов В.А. Этнические традиции в творческом наследии академика Г.Н. Волкова // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 171-176.

13. Иовановић, Д. Јагодинска, Ћупријска и Парађинсканахија у првом и другом српскомустанку / Иовановић Д. – Јагодина: Книжевност, 2009. – 280 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.arhivja.autentik.net/images/jagodinska_nahija_ustanci.pdf

14. Казьмина М.В., Боровикова З.В., Мякишев М.Н., Асауляк В.В. История. - Кемерово, 2016. – 61 с.

15. Ненадович, М. Записки. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XVIII/1760-1780/Nenadovic_M/text1.phtml?id=9619

16. Палий Е.Н. Салон как феномен отечественной культуры первой трети XIX В // Педагогика. 1997. № 6. С. 71.

17. Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // Философия права. 2010. № 5. С. 72.

18. Хабибуллина З.Н. Мировоззренческая парадигма русского космизма: автореф. дисс. ... на докт. философ. наук. - Уфа, 2012. – 38 с.

19. Чимаров С.Ю. Русская православная церковь в отечественной войне 1812 года. - СПб., 2004 Чиркович, С.М. История сербов.–М.: Весь мир, 2009 – 448 с.

20. Якушев В.А. Правовые основы эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства в российской империи: история становления, развитие, перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 85-91.

Информация об авторе:

Скорб Максим Геннадьевич,
Магистрант, ГрГУ им. Я Купалы, г. Минск,
Беларусь

Information about author:

Skorb Maxim Gennadievich,
Master of Arts, GrSU named after I. Kupala, Minsk,
Belarus

Научный руководитель:

Змитрович Игорь Олегович,
кандидат философских наук, доцент кафедры
всеобщей и славянской истории, ГрГУ им. Я.
Купалы, г. Минск, Беларусь

Scientific adviser:

Zmitrovich Igor Olegovich,
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the
Department of General and Slavic History, GrSU
named after I. Kupala, Minsk, Belarus

Правила для авторов

1.1. Электронный научно-практический журнал «Синергия» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры и рецензии (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

1.2. Для публикации статьи авторам необходимо предоставить в редакцию:

- 1) текст статьи;
- 2) аннотацию и название статьи, ключевые слова, инициалы и фамилию автора на русском и английском языках;
- 3) файлы всех предоставляемых материалов на электронном носителе;
- 4) сведения об авторах: их должности, ученые степени и научные звания, служебные адреса и телефоны, телефаксы и адреса электронной почты с указанием автора, ответственного за переписку с редакцией.

1.3. В течение недели со дня поступления рукописи в редакцию авторам направляется уведомление о ее получении с указанием даты поступления и регистрационного номера статьи. Оплата за публикацию статьи не взимается.

1.4. Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и (в случае положительной рецензии) научному и контрольному редактированию.

2.1. Публикация полных статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют инициалы и фамилии авторов, заглавие статьи, развернутые названия научных учреждений, страна. Далее приводятся краткие аннотации и ключевые слова на русском и английском языках.

2.2. Редколлегия рекомендует авторам структурировать предоставляемый материал, используя подзаголовки: Введение, методика эксперимента, обсуждение результатов, заключение, библиографический список.

3.1. Текст статьи должен быть набран через полтора интервала формата А4, с полями ~ 2,0 см со всех сторон, размер шрифта 14 (Times New Roman Cyr).

3.2. Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на источники нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

3.3. Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования. Подстрочные сноски не допускаются.

3.4. Статьи публикуются в авторской редакции. Перед отправкой текста статьи в издательство, Автор принимает на себя обязательства в том, что текст статьи является окончательным вариантом, содержит достоверные сведения, касающиеся результатов исследования и не требует доработок.

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

«СИНЕРГИЯ»

2017. № 6 (14)

Главный редактор - Иголкин С.Л.

Заместитель главного редактора - Смольянинова И.В.

Ответственный секретарь - Шаталов М.А.

Дизайн обложки – Мартынов С.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Издатель: АНОО ВО «Воронежский
экономико-правовой институт»
Адрес издательства: Российская
Федерация, 394042, г. Воронеж,
Ленинский пр-кт, 119а.
Телефон: +7 (473) 2727939;
+79518627959
Synergia2015@yandex.ru
mshatalov@vilec.ru
<http://www.vepi.ru/science/sinergiya/>

Publisher: ANEO HE "Voronezh Institute of
Economics and Law"
Address publisher: Russian Federation, 394042,
Voronezh,
Leninsky Av., 119a.
Phone: +7 (473) 2727939;
+79518627959
Synergia2015@yandex.ru
mshatalov@vilec.ru
<http://www.vepi.ru/science/sinergiya/>